

наш
XX
век

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ

ВАРЕННИКОВ

ТОМ 3

НЕПОВТОРИМОЕ
ТРАГЕДИЯ ОТЕЧЕСТВА: 1985—2000
УРОКИ И ВЫВОДЫ

Наш XX век

Валентин Варенников
Неповторимое. Том 3

«Центрполиграф»

2001-2002

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

Варенников В. И.

Неповторимое. Том 3 / В. И. Варенников — «Центрполиграф»,
2001-2002 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07928-2

Воспоминания выдающегося военачальника и общественного деятеля, Героя Советского Союза генерала армии Валентина Ивановича Варенникова «Неповторимое» впервые были опубликованы в 2001—2002 годах. В настоящее трехтомное издание вошли все одиннадцать частей воспоминаний, представляющих большой интерес как для специалистов-историков, так и для самого широкого круга читателей. В третьем томе рассказывается о службе автора в качестве Главнокомандующего Сухопутными войсками, о предельном социально-политическом напряжении в стране, о кровавых событиях на Кавказе и в Прибалтике, о ГКЧП, аресте и оправдательном приговоре. Автор рассуждает об основных причинах катастрофы нашего общества, делится воспоминаниями о работе в Государственной думе, затрагивает проблемы смены власти в Российской Федерации. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-227-07928-2

© Варенников В. И., 2001-2002
© Центрполиграф, 2001-2002

Содержание

Часть VIII	6
Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	44
Глава 4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Валентин Иванович Варенников
Неповторимое
Том 3

© Варенников В.И., наследники, 2023

© «Центрполиграф», 2023

Часть VIII

Главнокомандующий

Глава 1

Проблемы огромные, а решения нулевые

Взгляд на Москву из Афганистана. – Главкомат Сухопутных войск. – Опять самое некло – руководство страны приняло решение в короткие сроки вывести войска из Восточной Европы и Монголии. – Куда мы спешим с выводом войск? – Почему идет одно-стороннее сокращение ВС? – США диктуют, а Горбачев покорно склоняется

Встретив перестройку с распростертыми объятиями, доверчивый народ страны пошел за своими лидерами, совершенно не имея не только ясных и четких ориентиров, но даже общего представления о том, что мы все-таки должны получить в итоге. Везде муссировалось к месту и не к месту: «гласность», «демократия», «плюрализм мнений», потом появились горбачевские лозунги: «больше демократии, больше социализма», «социализм должен быть с человеческим лицом», «общечеловеческие ценности», «гуманный социализм», «ускорение» и прочие.

До 1985 года чувствовалось, что страна, ее огромное хозяйство хоть и медленно поворачивается, но в целом стоит на тормозах, которые не позволяют развернуться в полную мощь экономике и проявить свой огромный потенциал. Главным тормозом было отсутствие материальной заинтересованности в труде. Все нивелировалось. Народ видел это и ждал изменений, которые бы соответствовали объективным законам развития нашего общества.

Еще в начале 1980-х годов у нас в магазинах было все, причем по низким ценам. Денежное содержание позволяло сделать нужные покупки.

Получив наконец (не без труда) квартиру от Министерства обороны, наша семья купила мебель и полностью прилично оборудовала свою семейную пристань. Никогда не было никаких проблем с питанием – мы в основном пользовались гастрономом на Смоленской площади. А на праздники, если вдруг заглянет дорогой гость, всегда можно было за 20–30 минут сходить «на Смоленку» и приобрести необходимые деликатесы. Что же касается бытовых предметов, то вообще никаких вопросов по этому поводу не возникало.

Закончился 1985-й, 1986-й, близился к концу 1987-й. И тут мы уже почувствовали, что в стране творится что-то неладное и весьма опасное. Во всех крупных городах, в том числе в Москве, будто огромным пылесосом прошли по магазинам и рынкам – везде зияли пустые полки. Колбасу, ветчину, сыры и даже овощи и фрукты рисовали на стеклах витрин, а внутри – хоть шаром покати. Даже в Москве отдельные товары стали дефицитом. Появились огромные очереди, в том числе и за счет иногородних.

Гласность нужна? Конечно. А демократия? Несомненно, причем истинная социалистическая демократия. Она-то и признает истинную гласность как составную свою часть. Но почему с наступлением эпохи горбачевской демократии и гласности стали дефицитом продовольствие, стиральные порошки, мыло, зубная паста и прочие необходимые в быту мелочи? Ведь одно другому не только не должно мешать, но обязано способствовать успешному функционированию народного хозяйства, повышению качественного уровня и объема производства. У нас шло все наоборот.

Приезжая из Кабула в Москву на пару дней с отчетом по Афганистану, я имел возможность пообщаться и с крупными экономистами. Спрашивал в лоб: «Что происходит?»

Отвечали в шутку и всерьез: «Падение экономики и подъем демагогии. У общества есть заданная весомость, и если что-то убывает (у нас – экономика), то другое должно прибав-

ляться». Короче, никто толком ничего объяснить не мог. Хотя невооруженным глазом было видно, что налицо саботаж, неисполнение элементарных приказов и постановлений, грубая демонстрация силы тех новых общественных структур, которые рвутся к власти и которые фактически поощряются Горбачевым – Яковлевым.

Меня мучил вопрос: если все эти перекосы столь очевидны, то почему же не принимаются экстренные меры для их устранения? Потом сам себя спрашивал: кто же должен и может принять меры в условиях существующей партийной и государственной системы? И получалось – никто. Партия строилась по принципу демократического централизма, а понимался он так: что генсек сказал – закон для всех партийцев. Для государственных силовых структур главное – это Конституция и военная присяга, приказ начальника – закон для подчиненного. А на самом верху – Верховный главнокомандующий, он же Генеральный секретарь ЦК КПСС, а потом еще и президент. Таким образом, власть сосредоточена в одних руках – генсека-президента. Но он никаких команд не дает, а плывет по течению, так чего ждать стране и народу? Каждый начальник смотрел на вышестоящее начальство, и так снизу вверх до генсека – Верховного главнокомандующего – президента страны. Вот когда начался истинный застой! Сначала застой, а потом – разруха, гниение верхушки, разлом.

Сейчас объявилось много «спецов», которые выступают с различными обвинениями в адрес и отдельных партийно-государственных деятелей, и в целом КПСС, что, мол, было же видно, куда ведет Горбачев, так почему не было принято своевременных и эффективных мер в целях сохранения Советского Союза? Может, дело в том, что если бы у нас была не одна партия, а многопартийность, то такого бы развала не произошло?

Как тут не вспомнить, что «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Если быть абсолютно объективными, то надо признать, что у нас была система, которая, опираясь на все лучшее, что было создано до революции, в течение десятилетий изменила наше общество, решительно преобразила его социально-политический портрет к лучшему. Естественно, быстрый рост экономики, науки, культуры наложил отпечаток на народное сознание – люди уже верили в лидеров, как когда-то в царей. Правда, в годы правления династии Романовых вера в царя внушалась с помощью церкви. Да и цари последних трехсот лет были мощными, за исключением двух-трех, в том числе Николая II. А что касается революционных и послереволюционных лидеров Ленина и Сталина, то они и без специального их прославления прославились. Высочайшую оценку им дали выдающиеся деятели планеты, как, например, Черчилль – Сталину.

Когда после смерти В.И. Ленина руководство страны возглавил Сталин, он в течение тридцати лет с помощью партии привел советский народ действительно к великим победам, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Неудивительно, что народ боготворил его. Всем известно, что Сталин лично себе ничего не брал и никому из близких и своих товарищей не позволял использовать служебное положение в личных целях. Он всего себя отдавал народу, стране, он сделал ее могучей державой. Отсюда его «культ», а на самом деле – всенародная любовь, которая не погасла и поныне и не погаснет никогда.

Интересно, что те, кто в свое время явно переусердствовали в прославлении Сталина, те в первых рядах, вслед за Хрущевым, орали потом о культе Сталина. Как и сейчас – кто больше всего кричал о социализме, коммунизме? Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин и их компания. Эти к 60 и 70 годам своего возраста «прозрели» и, будучи у власти, вначале обманым путем, а потом открыто развернули народ назад к капитализму. А народ все еще продолжал по инерции верить своим лидерам. Правда, мы сожалели, что после смерти Сталина к власти пробрался авантюрист Хрущев и наломал дров, за что его и сняли со всех постов, но предателем он не был. Сожалели также, что после десяти лет правления не отпустили в отставку Брежнева, а он после этого, будучи совершенно больным и уже не способным руководить, не очень-то крепко держал власть в руках, чем пользовалось его окружение.

Но страна воспрянула, когда на фоне одряхлевшего Политбюро ЦК КПСС к руководству пришел молодой Горбачев. Ему было всего 54 года, но он уже имел более чем шестилетний опыт работы в ЦК секретарем и членом Политбюро, отвечавшим за программу подъема сельского хозяйства. Правда, оно в его бытность еще больше заросло бурьяном, но он за этот участок отвечал.

Придя к власти, Горбачев делает Яковлева вторым лицом в партии (естественно, и в стране), подбирает удобное окружение, руководит «демократически». И на съездах народных депутатов СССР, и на Пленумах ЦК КПСС слово давалось именно тем и столько раз, кто был нужен Горбачеву и горбачевцам. На каждом съезде на трибуну в обязательном порядке восходили по многу раз известные «демократы» Г. Попов, Ю. Афанасьев, А. Собчак, а Андрею Дмитриевичу Сахарову такую возможность предоставляли несколько раз за день. И всем этим дирижировал председательствующий. В то же время я, например, только на III съезде с большим трудом добился, чтобы мне дали один раз выступить, да и то в самое неудобное время. Горбачев знал: я не стану восхвалять его так называемую демократию, которая фактически расшатывала государство, инспирировала войну законов и анархию вместо укрепления государственности. А я говорил о мерах по укреплению государства и, в первую очередь, о нуждах и проблемах Вооруженных Сил, о повышении роли съезда народных депутатов СССР в укреплении обороноспособности страны.

Такая же картина царила и на Пленумах ЦК КПСС. К примеру, последний пленум, состоявшийся в июле 1991 года. Кроме других вопросов, на нем зашла речь об обращении «Слово к народу». Основным автором его был Валентин Распутин, самое активное участие в сотворении «Слова» принимали Г. Зюганов, Ю. Бондарев, А. Проханов и другие. Мне тоже довелось принимать участие в работе над обращением, особенно в той части, где идет речь об обороне страны и нашей армии. В принципе, «Слово» – это предупреждение о том, что может произойти со страной, если немедленно не принять мер к ее спасению. Горбачев специально дал слово тогда О. Лацису, чтобы он «разбил» наше обращение к народу. В своем выступлении Лацис сказал: «Подписавшие это обращение – известные своим экстремизмом лица. Ну, это понятно. Но непонятно, чего в политику лезут военные, например генерал Варенников? Ему надо заниматься своим военным делом, а не этой суетой».

И хоть Пленум воспринял это выступление отрицательно, Горбачев не дал мне возможности выступить, хотя я и послал в президиум записку с просьбой об этом. А я хотел разъяснить Лацису и лацисам, что когда идет речь о судьбе Отечества, то каждый, а военный тем более, должен стать политиком.

Еще до назначения на должность Главкома Сухопутных войск я как-то в 1987 году прилетаю из Кабула в Москву с очередным отчетом и, как всегда, в первую очередь иду к начальнику Генштаба. В то время на этом посту был Сергей Федорович Ахромеев. Открываю дверь, захожу в кабинет, Сергей Федорович поднимается из-за стола мне навстречу и вместо приветствия говорит на ходу:

– Нет, нет! В этом виноват не я. Это личное указание Верховного.

Мне сразу стало ясно, о чем идет речь. В то время был подписан договор между СССР и США о сокращении ракет меньшей и средней дальности (естественно, и боеголовок к ним), то есть с дальностью полета от 500 километров и более. Договор был составлен на крайне невыгодных условиях для нас: мы сократили носителей в 2,5 раза больше и боеголовок в 3,5 раза больше, чем Соединенные Штаты. Но если бы наша односторонняя уступка ограничивалась только этим! Оказывается, наша сторона включила в число уничтожаемых недавно созданный ультрасовременный оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока». Он в то время только пошел в серийное производство, и мы смогли поставить его в наши группы войск, в некоторые наши военные округа западного направления и в некоторые страны Варшавского договора. У американцев нет даже сегодня приблизительного аналога «Оки». Особенно по точности попа-

дания боевой части и по живучести комплекса. Кроме того, он стоил колоссальных денег и огромного труда ученых, инженеров и рабочих. Этот комплекс просто по формальным признакам, изложенным в договоре, никак не мог быть включен в число уничтожаемых, так как дальность полета головной части ракеты была лишь до 400 километров.

Когда нам в Афганистане стало известно об этом, мы были просто поражены таким решением. Я даже не стал звонить ни Ахромееву, ни другим товарищам – вопрос уже решен, договор подписан и ничего не изменишь. Единственное, хотел узнать, как могло случиться, что интересы нашей страны были ущемлены безмерно. Решил сделать это при первой же поездке в Москву. Но, видно, мое настроение и оценки были уже известны в Генштабе. Вот почему у Сергея Федоровича при нашей встрече был такой озабоченный вид. Он продолжил:

– Во-первых, я был удивлен, что у Горбачева оказались в руках данные о ракетном комплексе «Ока». Во-вторых, когда он только в первый раз об этом заикнулся, я постарался его переубедить.

В-третьих, Шеварднадзе давил на Горбачева по этому вопросу, как бульдозер, заканчивая при этом каждый раз свой разговор загадочной фразой: «Если мы этого не сделаем, то провалится весь наш последующий план». Горбачев, делая задумчивый вид, многозначительно произносил: «Да, об этом еще стоит поговорить». Но никакого должного разговора не произошло, он дал прямое указание мидовцам: «Включить!»

– Но ведь это противоречит условиям договора, – заметил я. – Мало того, это выпад против нашей обороны.

– Да, формально это противоречит договору. Что касается второй части, то я не стал бы говорить так категорично. Видно, он в обмен на «Оку» намерен что-то у американцев заполучить...

– Сергей Федорович, вы что, их не знаете? Назовите хоть один случай, эпизод, где они выглядели бы благородно?! Они всегда рвали все с мясом и кровью. У меня такое впечатление, что Горбачев и Шеварднадзе в плену у Шульца, госсекретаря США.

– Не исключаю, что Шулец по какому-то вопросу держит их на крючке. Вы правы – американцы практически никогда на уступки не шли. На выгодный для них обмен – да. Но не на уступки.

Продолжать разговор на эту тему было бесполезно. Я проинформировал начальника Генштаба о положении дел в Афганистане, сказал, что надо быстрее кончать с этой проблемой, рассказал о настроении наших офицеров и солдат в связи с ухудшением жизни нашего народа. Прямо сказал ему, что даже из Афганистана видно, как резко упал уровень благосостояния, общего порядка и организованности в стране.

С.Ф. Ахромеев молчал. Он никогда не поддерживал разговор, если в нем проскользнут критические нотки в отношении начальников. Но по выражению его лица было видно, что ему полезно выслушать все это.

Итак, еще задолго до возвращения к себе на Родину у нас в Афганистане сложилась в основном полная картина начавшегося падения нашего государства. Последующие годы только подтвердили эти представления.

Приступив к своим обязанностям Главнокомандующего Сухопутными войсками – заместителя министра обороны СССР, я понял, что здесь скучать не придется. Если брать все Вооруженные Силы СССР, то фактически именно в этих войсках было самое пекло.

Генерал армии Евгений Филиппович Ивановский, передавая мне обязанности Главкома, обрисовал подробно сложившуюся картину. Самой острой и сложной задачей был предстоящий вывод в Советский Союз групп войск, расположенных на территории стран Восточной Европы и Монгольской Народной Республики. Подготовленной для этой цели базы на территории СССР не было. А ведь в составе выводимых войск сотни тысяч людей!

О Сухопутных войсках Вооруженных Сил Советского Союза надо сказать особо. Подобно тому, как стратегические ядерные силы являются ядерным щитом сдерживания возможного агрессора, так Сухопутные войска являются опорной базой всех Вооруженных Сил и Отечества в целом. Охватывая оперативными границами своих военных округов всю страну, они создают остов всей военно-административной системы, на которую опирается государство.

Военные округа осуществляют живую связь между воинскими частями и гражданскими организациями. Они проводят призыв в Вооруженные Силы, а в военное время – мобилизацию. Самый тесный контакт поддерживают с военно-промышленным комплексом, с гигантами нашей промышленности и, когда требует обстановка, помогают им. Особые отношения сложились с сельским хозяйством: военные округа в основном сами, согласно разнарядке центра, заготавливают себе овощи и картофель, их военные автомобильные колонны вывозят с полей зерно на элеваторы. Кстати, многие военные округа, чтобы облегчить бремя народного хозяйства, имеют свои военные совхозы: мясомолочные, овощные и даже зерновые. Кроме того, округа поставляют в народное хозяйство прекрасные кадры, а в институты и среднетехнические учебные заведения – надежных студентов. Постоянно поддерживается тесная связь военных учебных заведений с высшими учебными заведениями и средней школой страны. Год от года крепнут шефские связи округов и регионов. В случае стихийных и других бедствий военный округ своими силами оказывает помощь пострадавшим районам, особенно в спасении людей.

Но самое главное – военные округа несут полную ответственность за незыблемость государственных границ и совместно с пограничными войсками отражают агрессию противника, а в случае высадки в тылу уничтожают его десанты. Охраняют особо важные государственные объекты и создают благоприятные условия для развертывания главных стратегических сил страны с целью ведения войны по защите Отечества. В связи с этим они организуют и проводят боевую и оперативную подготовку входящих в их состав войск, в том числе авиации и ПВО. Организуют взаимодействие с силами флота, если округа находятся на приморском направлении. Военным округам в их оперативных границах подчиняется все, за исключением стратегических ядерных сил и баз центра.

И когда проводятся различного рода реформы или просто какая-то реорганизация, то странными кажутся вопросы: «Не много ли у нас военных округов? А нужны ли нам управления армией? А к чему нам дивизии, когда можно обойтись бригадами?» И т. п.

К чему эти вопросы? Ведь все проверено и подтверждено жизнью и кровью. Реформирование Вооруженных Сил – это тоже проявление военного искусства. К сожалению, в сегодняшнем реформировании Российской армии никаким искусством и не пахнет.

Еще при Сталине Главнокомандующий Сухопутными войсками одновременно был и первым заместителем министра обороны. Это в первую очередь объяснялось количественным составом Сухопутных войск (они составляли 40 процентов от всех Вооруженных Сил), размещением их на всей территории страны и за рубежом, а также функциями, которые они выполняли. Пока Главкомат возглавлял маршал Р. Малиновский (а до него – маршал Г. Жуков), все шло нормально. Но когда Малиновский стал министром обороны, а Главкомом Сухопутных войск – маршал В.И. Чуйков, начались всевозможные трения. Дело дошло до того, что через несколько лет, чтобы избавиться от Чуйкова, Малиновский поставил вопрос о ликвидации Главкомата Сухопутных войск, а самого Чуйкова предложил на должность начальника Гражданской обороны страны. Хрущев с этим согласился. Для Василия Ивановича Чуйкова была введена должность: заместитель Председателя Совета Министров СССР – начальник Гражданской обороны. А главные управления, которые входили в Главкомат Сухопутных войск, были подчинены напрямую министру обороны и Генеральному штабу.

Естественно, жизнь показала, что это абсурд: самый многочисленный вид Вооруженных Сил остался без объединяющего его органа управления, который должен не просто отда-

вать различные распоряжения и контролировать их выполнение, а проводить соответствующую военной доктрине политику по строительству, развитию и подготовке вида Вооруженных Сил, организовывать систему боевой и оперативной подготовки, совершенствовать способы и методы боевого применения, проводить заказы в военную промышленность, принимать активное участие в НИОКРах, совершенствовать структуру с учетом получения новых видов оружия и т. д.

Вполне понятно, что Главное командование Сухопутных войск было восстановлено. Правда, чтобы как-то оправдать тот неуклюжий шаг с «реорганизацией», в непосредственное подчинение Главкому выделяют половину военных округов, в основном внутренних. Группа же войск и приграничные военные округа продолжали подчиняться министру обороны (для более, так сказать, оперативного разрешения проблем). Но фактически каждый командующий войсками военного округа как решал вопросы и с главкомом, и с Генштабом, и с министром, так и продолжал решать.

Вот и в настоящее время, на мой взгляд, несмотря на значительное сокращение Вооруженных Сил, совершенно необъяснима ликвидация Главного командования Сухопутных войск. Создается впечатление, что это сделано с целью избавиться от главкома генерала армии В.М. Семенова. В результате Сухопутные войска потерпели разгромное сокращение (совершенно неоправданное и необоснованное) и уродливую структурную реорганизацию. Тем не менее они обязательно должны иметь орган, который хотя бы отстаивал их интересы. Объяснение, что прямое подчинение военных округов министру и Генштабу обеспечивает оперативность, – это блеф. Округа и раньше подчинялись им. Но подавляющее количество повседневных вопросов решались и будут решаться через главкома. И эту проверенную жизнью практику надо восстановить. Ведь Сухопутные войска вообще осиротели. Они этого не заслуживают. Если же учесть военно-политическую обстановку в мире, то их, наоборот, надо укреплять. Судя по некоторым признакам, здравый смысл все-таки восторжествует.

В условиях жесточайшего финансового и общего кризиса проводить такие реорганизации, тем более не во благо, а в ущерб армии и обороне страны, просто недопустимо. Уверен, что придет время и на эти оскудевшие обломки Сухопутных войск поставят главное командование, и главной задачей его станет возрождение этого вида Вооруженных Сил, который существует во всех армиях мира.

Конечно, когда меня назначили Главкомом Сухопутных войск СССР, я и в мыслях не мог себе представить, что когда-нибудь их доведут до нынешнего бедственного состояния.

Сухопутные войска Вооруженных Сил СССР к началу 1989 года имели по штату 1 миллион 350 тысяч человек. Штат был почти полностью укомплектован. Главнокомандующему подчинялись все 18 военных округов и групп войск (о чем было специальное решение министра обороны Д.Т. Язова), 6 военных академий, 40 высших военных и 8 суворовских училищ, несколько научно-исследовательских институтов, испытательных полигонов, сотни различных арсеналов, центральных складов, ремонтных заводов для всех видов вооружения и боевой техники и т. д. Сухопутные войска насчитывали 209 мотострелковых и танковых дивизий (плюс несколько десятков отдельных бригад и полков). Эти соединения включали в себя приблизительно одну треть полностью развернутых дивизий, одну треть – сокращенного состава и одну треть – базы хранения с соответствующими сроками развертывания. Конечно, у нас было и достаточно вооружения. В частности, были десятки тысяч танков. Но ведь и наши сухопутные границы достигали тогда десятков тысяч километров. У нас были и десятки государств-соседей, а иные из них при определенных обстоятельствах нам могли предъявить территориальные претензии.

А в целом, по большому счету, в условиях «холодной войны» мы обязаны были иметь на каждом стратегическом направлении такую группировку войск, которая обеспечила бы отражение внезапного нападения агрессора и создала бы условия для отомобилизации и развер-

тивания главных сил армии и флота, чтобы защитить Отечество. Имея значительные Сухопутные войска, мы в то же время не нарушали баланс сил в целом. Дело в том, что военно-морские силы США значительно превосходили наши. А в целом сохранялся паритет.

В большой политике всегда есть разделы, которые не только обывателю, но и более посвященному в политический курс государства кажутся туманными. Вот такая приблизительно сложилась ситуация с выводом наших войск из стран Восточной Европы и Монголии. Во-первых, было совершенно непонятно, почему Яковлеву разрешили организовать масштабную, по всем средствам массовую кампанию очернения Советского Союза за участие в событиях в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году. В США ни один шаг такого рода не подвергался сомнению. Во-вторых, почему мы вообще поддерживали и начали муссировать идею вывода наших войск, абсолютно не связывая его с одновременной ликвидацией военных баз США по всему миру? Ведь ни одна из стран Варшавского договора не поставила этого вопроса! В-третьих, почему эта проблема была поднята в условиях, когда даже не было решено, куда же выводить войска. Никакой базы для этого не было. В-четвертых, несмотря на фактически нулевую нашу готовность принять войска хоть на какую-нибудь базу, почему руководство страны без конца понукало военных и заставляло выводить эти войска в короткие сроки?

Было много и других вопросов.

Возмущение возмущением, однако для самоутешения мы сами фантазировали и придумывали различные сказочные условия, которые нам якобы неизвестны, но руководством страны поставлены в обмен на требования быстрее убраться из Европы. Но как показали дальнейшие события, наша фантазия осталась фантазией: Запад нагло давил на Горбачева, а тот соответственно на руководство Вооруженными Силами СССР.

С возвращением из Афганистана на Родину на меня обрушился ряд проблем. В частности, мне было предложено баллотироваться кандидатом в народные депутаты СССР в Калмыкии. Главный аргумент был такой: это зона Сталинградской битвы, а я к ней имел прямое отношение. Я дал согласие и поэтому несколько раз вылетал в Элисту и в Волгоград, а там уже на автомобиле ездил по районам, которые входили в избирательный округ.

Калмыки восприняли меня по-доброму, гостеприимно. У меня, собственно, и было такое предчувствие. Однако один момент меня тревожил – проблема отселения этого народа в глубь страны во время Великой Отечественной войны. На этот вопрос я не мог дать однозначного ответа, но зато у меня был мощный козырь – был лично знаком и находился в близких отношениях с генералом Окой Ивановичем Городовиковым (познакомились с ним еще на похоронах Сталина). Естественно, я изучил всю историю Калмыкии в целом, подробно, в деталях – о своих районах. Проблем было много: вода, газ, жилье, строительство школ, асфальтирование дорог и т. д. Забегая вперед, должен сказать, что многие проблемы, благодаря хорошим отношениям с союзными министрами, мне удалось решить. Отдельно выделяю проблему оказания помощи грузовым автомобильным транспортом, который (после уборки урожая) я мог направить в эти и в другие районы страны. Отношения в республике у меня сразу сложились толковые, деловые. Естественно, возникало очень много личных проблем избирателей, особенно когда я, уже став депутатом, вел прием посетителей, разбирая их житейские дела вплоть до взаимоотношений с соседями.

Меня несколько смущало, что по округу я как кандидат шел один. Поэтому задолго до выборов я объяснился и с республиканским, и с районным руководством. Мне казалось целесообразным внести в список еще нескольких кандидатов. Однако местные руководители категорически возражали. И однажды на одной из встреч один избиратель – русский по национальности, инженер по образованию – спросил:

– Валентин Иванович, а почему кроме вас нет других кандидатов в депутаты? Ведь нынешние выборы – альтернативные.

– Наверное, этот вопрос надо адресовать организаторам выборов и в избирательную комиссию, – сказал я.

– Ну, а как вы сами относитесь к альтернативе? У нас есть такие.

– Несомненно, я буду приветствовать, если вместе с моей фамилией в списках будут и другие кандидаты.

В зале начался шум, отдельные выкрики. Слово взял доверенное лицо. Затем выступил председатель райисполкома. Они разъяснили, что на общем собрании избирателей района было принято решение выступить только с одной кандидатурой. «А вот уже к следующим выборам будем готовиться, имея список кандидатов на одно место. Вносить сейчас какие-то изменения нет смысла».

Избиратель, однако, не унимался. Организаторы встречи вынуждены были поставить вопрос на голосование. В итоге этот непокорный, но справедливо ставивший вопрос избиратель остался в одиночестве.

На выборах за мою кандидатуру проголосовало 98 процентов избирателей. Но, должен сказать, обсуждение кандидата на собраниях, наказания и просьбы высказывались весьма настойчиво и активно. Люди чувствовали себя раскованно. Вообще-то не в защиту чего-то и кого-то, а также не ради личной похвалы я должен заметить, что на моих выборах и в прошлом я не чувствовал формализма в беседах с избирателями. Люди, как правило, без стеснения излагали свои пожелания, ставили интересующие их вопросы. Впервые депутатом меня избирали смоляне – в Верховный Совет РСФСР. Затем туда же – автозаводчане города Горького. Потом дважды от Черновицкой области Украины в Совет Союза Верховного Совета СССР. И никогда эти выборы не были формальными. Естественно, очень многое зависело от руководителей: на Смоленщине первым секретарем обкома партии тогда был И.Е. Клименко. Автозаводом имени Горького руководил Н.А. Пугин. Черновицкий обком партии возглавлял В.Г. Дикусаров. Все они располагали людей к неформальному разговору. На трибуну поднимались все, кто хотел выступить.

А если взять областные партийные конференции во Львове и Пленумы ЦК Компартии Украины, то я не видел разницы между тем, что было до перестройки и что стало с ее объявлением. О недостатках, причинах, персоналиях и о путях устранения недостатков откровенно говорили всегда. Сколько помню, первый секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий и первый секретарь Львовского обкома партии Виктор Федорович Добрик (как, кстати, и все члены бюро обкома – я был членом бюро) всегда были настроены решительно, по-деловому. В результате поднимались жизненно важные проблемы.

А вот с началом перестройки и на съездах народных депутатов появилось много «пены». Выделялись две категории людей. Первая – это те, кто фактически уже открыто выступал против социалистического строя (хотя он закреплен Конституцией) и против КПСС. Они кричали о том, что 6-я статья Основного закона, закрепляющая партию в качестве основной направляющей и организующей силы в стране, должна быть изъята из Конституции. Все напоминало театр абсурда. На XIX конференции КПСС, как и на каждом Пленуме ЦК, Горбачев и его соратники говорили: нам надо больше социализма; только под руководством партии мы сможем достигнуть цели, при этом плюрализм мнений и гласность должны развиваться в самой партии. А на заседаниях съезда народных депутатов Горбачев и иже с ним молчаливо соглашались со всеми антисоветчиками и антикоммунистами, которым, сидя в президиуме съезда, они преимущественно давали слово. И с трибуны съезда звучало: долой социализм, долой Советы, долой КПСС, да здравствует многопартийность и капитализм. Причем некоторые из «народных избранников» о капитализме говорили завуалированно, тогда как более откровенные вопрос ставили прямо: «Почему мы краснеем, когда говорим о капитализме?»

Другая категория людей – это открытые хулиганы и лица с неуравновешенной, мягко выражаясь, психикой. Им просто не нравилось все советское. Они примыкали к первой группе, хотя ни по своему интеллекту, ни по внутреннему содержанию не имели с ней ничего общего.

А первая группа, напомню, была четко организована в так называемую Межрегиональную депутатскую группу, антисоветскую по своим целям и программе действий. Хулиганствующие элементы (типа народного депутата Шаповаленко, который в годы Ельцина, кстати, был представителем президента РФ в одной из областей России, что не удивительно), как правило, «цеплялись» к наиболее порядочным и авторитетным депутатам-коммунистам, старались своим хамством и невежеством всячески их унижить и оскорбить, невзирая на возраст, заслуги и т. д. Особенно «неравнодушны» они были к генералам, тем более если кто-то из них был еще и Героем Советского Союза, – делали все, чтобы опорочить героев, а вместе с ними и все Вооруженные Силы.

Им было ясно, как и любому, даже тупому, человеку, что генералами становятся не сразу. Прежде они проходят тяжелый, часто боевой путь. На заре своей службы, как и все офицеры, они были лейтенантами, а некоторые – и солдатами. «Носила» их служба по всему свету. К примеру, мой младший сын (старший уволился в связи с событиями августа 1991 года) родился в Заполярье и прожил там со мной почти пятнадцать лет. Став лейтенантом, он прошел суровую школу, служил во многих местах, от Калининграда (Прибалтийский военный округ) до Афганистана (где воевал два года), Туркестанского и Дальневосточного военных округов. В последнем служил вначале в центральной части Сахалина, затем – на Камчатке, сейчас – опять на Сахалине. Имеет три боевых ордена. Его судьба типична для многих наших офицеров. А ведь в офицерском корпусе есть те, кто является участником Великой Отечественной и других войн. Как же может повернуться у кого-то язык сказать в их адрес что-то оскорбительное?

Но так можно рассуждать в нормальном обществе. Но тогда благодаря Горбачеву – Яковлеву атмосфера уже была наэлектризована экстремизмом, национализмом, сепаратизмом и другими подобными «измами». Гласность и демократию многие восприняли как вседозволенность, считая, что можно говорить все, везде и сколько хочешь, не придерживаясь при этом не только норм культуры, но и справедливости. Кто этим воспользовался? Конечно, все это распушенные, психически ненормальные и непорядочные люди, чисто случайно попавшие в народные депутаты.

Грустно вспоминать, но все те, кто стоял за Советы и социализм, за Советский Союз и КПСС, лишь робко оправдывались и как могли отбивались от этих выпадов. Однако их робость объяснялась не только тем, что они впервые попали в такую обстановку и им фактически не в чем оправдываться. Нет, они вынуждены были занимать такую позицию именно под давлением Горбачева и его окружения. Внушалась мысль: если мы подавим их (то есть эту антисоветскую мразь и хулиганствующих шизофреников), то из нашей гласности и демократии ничего не получится. «Надо дать им разговориться, – поучал Горбачев, – а потом уж будет видно».

Вот и дали «разговориться», так что и сам Горбачев загремел со своего поста, но самое главное – не стало Советского Союза.

А ведь уже открытие I съезда предвещало нечто зловеще-трагичное. Открывать съезд было поручено народному депутату Орлову. Он поднялся на сцену Дворца съездов, вышел к середине стола президиума и, совершенно не обращая внимания на то, что происходит в зале, уселся на место председательствующего и стал что-то монотонно читать. Между тем одновременно из зала направился на центральную трибуну народный депутат от делегации Грузии для выступления. Орлов успел произнести всего две-три фразы, как грузинский депутат, не обращая на него внимания, начал рассказывать об известных трагических событиях 9 апреля 1989 года в Тбилиси, когда погибло 18 человек, хотя люди вышли на мирное гуляние (это «мирное гуляние» происходило в 2, 3 и 4 часа ночи). Депутат обвинил в этом армию и предложил почтить память погибших минутой молчания. Что и было сделано.

Грузинская группа народных депутатов добилась своей цели – она скомкала начало работы съезда, заявила о своей исключительности, бросила тень на Вооруженные Силы, ложно обвинив Закавказский военный округ в применении силы против мирного населения. Но главное – задала работе съезда характер антисоветский, антисоциалистический, антикоммунистический. А что же председательствующий Орлов? Вместо того чтобы с появлением на центральной трибуне непрошеного оратора выключить микрофон и потребовать от нарушителя порядка вернуться на свое место и действовать в соответствии с регламентом, а вопрос грузинских депутатов самому председательствующему поставить перед съездом, Орлов действовал как послушная кукла – что ему навязали, то он и выполнял. Как и весь съезд, выслушал оратора, как и все, встал почтить память погибших, как и оратор после минуты молчания, сказал: «Прошу садиться», а затем продолжал читать то, что ему написали. Большинство депутатов были возмущены поступком грузинских депутатов, но не обостряли этот вопрос потому, что выступление было связано со смертью людей. Но еще больше были возмущены Орловым. Ну, разве с такими «бойцами» какой-нибудь цели достигнешь? Поручили бы открывать съезд одному из старейшин, тому же А.Д. Сахарову – трижды Герою Социалистического Труда. Даже он не допустил бы, чтобы съезд открывался таким базаром.

Во время I съезда со мной был примечательный эпизод. Как-то во время перерыва ко мне подошла группа незнакомых мне, в основном молодых людей. Представившись, что они из телецентра, они затем сообщили, что к ним из Лондона прилетел английский генерал. Сейчас он в отставке, занимается историей и хотел бы повидаться и побеседовать с кем-нибудь из военных, который тоже, как и он, побывал в свое время в Германии. Видно, мои собеседники предварительно навели обо мне справки, потому что оказалось, что им известна моя биография. Они знали, где воевал я в годы Великой Отечественной войны и что участвовал в штурме Берлина. Знали и то, что по окончании войны я пять лет служил на территории Германии, а затем второй раз служил там в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Я подтвердил, что их данные соответствуют действительности, заметив, что в принципе не возражаю против такой встречи. И мы договорились такое собеседование провести на следующий день в обеденный перерыв.

Генерал оказался в военной форме, и по всему было видно, что человек он заслуженный, однако симпатии не вызвал. Глаза у него не думающие, а бегающие, прямо в глаза не смотрит, постоянно суетится. В общем, о нем осталось весьма неприятное воспоминание. Нашу беседу снимали советские и английские телеоператоры. Я знал (точнее, чувствовал), что у них помимо обычной демагогии будет и главный вопрос, ради которого они затеяли эту встречу. Предчувствия меня не обманули. Вначале все шло ровно, плавно – говорили в основном о боях и взятии Берлина. Затем его интересовала длительная служба на территории Германии – как она сказалась на изучении народа, какие отношения сложились между немецким народом и советскими военнослужащими. В свою очередь я спросил генерала – какие отношения были у англичан с немцами в их зоне, припомнив некоторые неприятные для него факты. Беседа по времени шла к концу, а главного вопроса все еще не было. Я посмотрел на часы, давая понять, что пора бы уже и поблагодарить друг друга за беседу. И вдруг он «выстреливает» тот самый главный вопрос:

- А как вы смотрите на объединение двух Германий?
- Этот вопрос надо задать немцам, а не наблюдателям со стороны, – сказал я.
- Но наши стороны, как и американская, были участниками разъединения Германии.
- Чтобы быть точным, хочу напомнить вам, что Сталин был против разъединения Германии.
- И все-таки, если возникнет вопрос объединения двух Германий, как вы к этому относитесь?

– Свою судьбу немецкий народ должен решать сам: жить ему вместе или порознь, как сейчас. Прошла большая, тяжелая война. Это не немецкий народ ее организовал, а нацисты, захватившие власть. Война принесла много бед и страданий. В итоге этой войны было подписано Потсдамское соглашение. И если возникнет вопрос об объединении двух Германий, то оно должно проводиться в рамках этого соглашения.

– В общем, вы за объединение этих стран?

– Я еще раз повторяю, что я за то, чтобы немецкий народ сам решил эту проблему, но в рамках существующих договоров.

Буквально через два дня мне докладывают текст телеграммы нашего Чрезвычайного и Полномочного Посла в ФРГ Ю. Квицинского в адрес министра иностранных дел. По заведенному порядку такого рода телеграммы (где речь идет о лицах другого ведомства) рассылались из МИДа в Министерство обороны, КГБ и, конечно, в ЦК (в международный отдел). Квицинский сообщал, что по лондонскому телевидению выступил английский генерал, который встречался с генералом армии Варенниковым, и что последний заявил, что он, Варенников, за объединение двух Германий. При этом генерал показал портрет Варенникова. В связи с этим Ю. Квицинский просил принять экстренные меры и поправить генерала Варенникова, сказав, что такое объединение может иметь место только при соблюдении духа и буквы Потсдамских соглашений.

В нашей когорте дипломатов было много одаренных лиц. К ним я отношу, кроме А. Громыко и Г. Корниенко, таких, как Ю. Воронцов, А. Бессмертных, А. Добрынин, В. Петровский, Ю. Квицинский. Это были не случайные люди в дипломатии. Они не только прекрасно знали профессию, но и свободно говорили на нескольких языках. А при Горбачеве во главе этого дипломатического ведомства, от которого во многом зависела судьба страны, поставили человека, который не только не знал ни этой профессии, ни одного языка, но и по-русски объяснялся так, что часто трудно было его понять. А главное, он, этот человек, не был патриотом Советского Союза, он был предателем Отечества, что вскоре стало очевидно.

На Квицинского я, конечно, не обиделся – это все проделки средств массовой информации. Связался с МИДом, рассказал, как все было на самом деле, и все встало на свое место. Но что поразительно – приблизительно через год именно то, чего так опасался Квицинский, сделал Горбачев: он сам предложил Гельмуту Колю, который приехал в резиденцию президента СССР в Ставропольском крае, объединить две Германии без каких-либо условий. Вот тут меня удивило глухое молчание Квицинского и других деятелей из МИДа. А ведь это уже был разговор на официальном уровне, и выглядело все это не иначе как предательство интересов Советского Союза.

На съездах народных депутатов мы все широко общались, и, конечно, каждый приобрел себе новых друзей, в том числе и я. О некоторых хотелось бы сказать несколько слов.

Первым из них был В.А. Стародубцев. Он уже тогда был в центре внимания страны.

Вторым моим новым приятелем стал, как ни странно, еще один председатель колхоза, но уже с Волги. Мой ровесник, он в годы войны окончил курсы, получил лейтенанта, командовал танковым взводом, затем ротой. И так с ротой прошел до конца войны. Много раз его машину подбивали, горел в танке, был ранен, имеет награды. Тяжелый прошел путь, но выжил. В 1946 году демобилизовался и приехал в свою деревню. Естественно, стал первым кандидатом на пост председателя колхоза. Его и избрали, хоть и отбивался: «Я в танковом деле толк понимаю, а в колхозном – ни уха ни рыла». Ему отвечали: «Ничего, поможем! Через год станешь профессором. Нам главное, чтобы мужик был работающий, непьющий и честный».

– Так вот, насильно и сделали меня председателем, – шутя жаловался мне Вагин. – Стал почитывать, ума набираться. Ветеранов-колхозников собирал, советовался, да и поврозь с ними говорил. Колхоз стал подниматься. Создал хорошую тракторную бригаду – танкистами назвал. Сам двигатель знал хорошо, так что если что – бегут ко мне, и я иду им помогать.

Авторитет среди колхозников поднялся. А тут и дела пошли в гору. За два года построили дорогу от основной магистрали до колхоза. Ну, совсем зажили.

– У нас, – говорил мне в другой раз Вагин, – колхоз специализируется в основном на зерне и молоке, мясо тоже есть на продажу, а вот овощи и картофель выращиваем только для себя. Параллельно развивали и ремесла. У нас работала кузница, где не только ковали лошадей со всего района, но и делали различные поделки – петли для дверей, засовы, ухваты да кочерги для печей – печи-то у нас настоящие. Появилась у нас и столярная мастерская, а вместе с ней и мастера по резьбе. Чего только не делали! И ложки, и разные тарелки, чашки. Потом нашли недалеко хорошую глину – наладили производство крынок для молока и другой посуды. При чем расходилась эта посуда не только по колхозу, но и вывозилась на рынок. Стали побогаче – организовали два небольших цеха: один – под соленье грибов, во втором – повидло делали из ягод. Стеклотару и крышки закупали. И эту продукцию хорошо покупали. И горожанам хорошо, и колхознику прибыль.

Но уж как меня только ни мордовали – и в районе, и в области. Особенно в районе: «Почему не сеешь?» Отвечаю: «Еще рано». – «Для всех не рано, а тебе рано». – «Мне рано – земля холодная, зерно в тепле прорастает, а не в холоде». – «Ох и достукаешься ты, Вагин, исключат тебя из партии и снимут с председателя». А я им: «Из партии вот такие, как вы, может, и исключат, а вот председателем меня выбирал народ, поэтому ничего не получится». Они, конечно, еще пуще грозиться стали. Особенно свирепствовали, раздавая «указивки» – когда сеять, когда убирать (и сведения им подавай), когда пахать, когда хлебосдача. А уж в отношении ремесел и вовсе за горло брали: «Ведь ты поощряешь частную собственность, а это недопустимо!» Отвечаю: «Во-первых, это не частная, а коллективная собственность; во-вторых, все делается собственными руками, трудом колхозников; в-третьих, это совершенно не влияет на выполнение плана по основным показателям колхоза».

А в ответ все угрозы и угрозы. Всего лет восемь или десять, как отстали. Была областная партийная конференция. Я там выступил: «Вот уже скоро будет сорок лет, как я председатель колхоза. И все это время мне диктуют из района, когда мне сеять, а когда жать. И ни разу я не выполнял эти указания и не буду их выполнять, потому что это погибель. Нам на месте виднее, чем в районе и в области. Доказательством этого является то, что наш колхоз – миллионер». На конференции был какой-то представитель из Москвы – толковый человек. Он сказал: «Прав товарищ Вагин – не надо колхозу предписывать, когда что делать. Вот если колхоз не готов к посевной или уборочной, тогда надо и потребовать, и помочь. Но практика показала, что вмешиваться в колхозное производство не следует. Если есть толковые рекомендации – тогда другое дело».

С тех пор все начальники отстали. Но все равно чертом смотрели в мою сторону. А дело в том, что все районы соревновались меж собой – кто быстрее посеет, уберет, сдаст зерно стране. Каждому хотелось отличиться. Теперь же надо было отыскивать другие мотивы соревнования. Вот так мы и жили все эти годы. Нам отдавали приказ сеять или пахать, мы говорили: «Есть! Будет исполнено», а делали так, как надо. Потому и жили хорошо. А если бы всю бюрократию потопить или хотя бы выгнать в поле на прополку – было бы еще лучше, – говаривал Вагин.

Когда в ходе заседания съезда разворачивалась никому не нужная бестолковая демагогия, то я, как правило, уходил на задние ряды (там было свободно), располагался со своей папкой деловых бумаг и, не теряя времени, решал свои задачи, одновременно прислушиваясь к ораторам. Сюда же приходил и Вагин – ему тоже надо было разобраться со своими документами. Вот здесь мы с ним и познакомились.

В конце I съезда народных депутатов я подал в президиум одну записку, а на следующий день – вторую, с просьбой дать мне слово. Никакой реакции не последовало. Между тем намеревался в своем выступлении поведать о состоянии Вооруженных Сил, особенно Сухопутных войск, рассказать о задачах по выводу наших войск из Восточной Европы и Монголии, которые

предстоит выполнять, о трудностях, которые при этом возникают. Хотел высказать народным депутатам и просьбы оказать содействие и помощь в выполнении этих задач. Однако выступить мне не дали ни на I, ни на II съезде. Лишь на III съезде, после многократных обращений к А. Лукьянову, который вел заседание, мне дали слово, однако в неудобное время. Так что хоть мои тезисы и прозвучали, но в памяти остались далеко не у всех.

Широкий резонанс вызвали трагические события 9 апреля в Тбилиси, с которого, собственно, и начался I съезд. Печально, что погибли люди – восемнадцать скончались от давки и удушья, а один от травмы. Народные депутаты Грузии (не все) в своих выступлениях обвиняли в этом войска Закавказского военного округа, которые якобы напали на мирно гуляющих у правительственных зданий людей. Я уже говорил, что это «гуляние» проходило в три часа ночи.

Фактически это подняла голову контрреволюция, воспользовавшаяся смутой, которая поднималась в стране в связи с горбачевской перестройкой и так называемой демократией. Естественно, она, контрреволюция, спровоцировала на противоправные действия тысячи людей, которые выступили против Советской власти и Советского Союза и вышли к Дому правительства с требованием передать власть «демократии», то есть сторонникам Гамсахурдиа. Грузинская газета «Заря Востока» в номере за 14 апреля 1989 года подробно анализирует и правдиво описывает все это.

Да, точные, взвешенные оценки трагедии и тому, что ей предшествовало, дала газета «Заря Востока». Но республика продолжала бурлить.

В связи с гибелью людей в Тбилиси и политическим напряжением, сохранившимся в Грузии, съезд народных депутатов создал парламентскую комиссию под председательством А. Собчака. Перед ней была поставлена задача разобраться с причинами конфликта и гибели людей и предложить меры для нормализации обстановки в Грузинской ССР.

Параллельно, в связи с обвинениями в адрес Закавказского военного округа, было проведено расследование военной прокуратурой. Ее материалы и выводы полностью подтвердили, что событие было спровоцировано экстремистскими элементами. Гибель же людей наступила не от ударов саперных лопаток, как это преподносили средства массовой информации, а от давки. Были названы и те, кто должен был понести за все случившееся персональную ответственность.

Однако комиссия Собчака не учла выводов расследования военной прокуратуры и обвинила в трагедии партийное и советское руководство Грузии, в том числе значительную вину возложила на Закавказский военный округ.

На том же заседании съезда выступил и командующий войсками округа генерал-полковник И.Н. Родионов. Убедительно и точно представив картину случившегося, он аргументированно ответил на все вопросы оппонентов, не дав им ни малейшей возможности продолжать балаган. Понимая, что в поддержку Родионова надо бы выступить еще кому-то из авторитетных, обладающих точной информацией депутатов, причем хорошо, если бы это были не военные, а гражданские, я стал искать Поляничко, но его в зале не оказалось. Тогда я послал в президиум записку с просьбой дать мне слово. Как и следовало ожидать, мне было отказано, то есть выступить не дали. Была надежда, что, может, свое слово скажет министр обороны генерал армии Д.Т. Язов. Но и он не выступил. А между тем грузинские экстремисты продолжали напирать: они уже требовали снятия Родионова с поста командующего и лишения его мандата народного депутата.

По этому поводу у нас состоялись объяснения с Д.Т. Язовым, был разговор и на коллегии Министерства обороны. В результате было принято решение – Родионова ни в коем случае в обиду не давать. Однако оставаться в этом зверином логове ему было нельзя. И тогда министр обороны, естественно с ведома Горбачева, назначает Игоря Николаевича Родионова начальни-

ком Военной академии Генерального штаба. Фактически это было повышение. Все мы были рады такой «концовке», тем более что народным депутатом Родионов оставался.

Уже на I съезде была организована Межрегиональная депутатская группа антисоветской направленности во главе с Гавриилом Поповым. Фактически эта структура была сформирована еще до съезда, с началом же было объявлено о ее создании, и она весьма громко и крикливо начала свою антинародную, по сути, деятельность. Не думаю, что наши партийные «боссы», а тем более КГБ, не знали о том, что создается такая группа. Конечно, знали. И они должны были оперативно создать в противовес ей свою группу во главе с лидером. Но этого не было сделано. Свою депутатскую группу «Союз» мы организовали с некоторым отставанием. Во главе ее стал В. Блохин – малоизвестный депутат из Молдовы. Правда, в правление вошли такие сильные фигуры, как Г.И. Тихонов, В.И. Алкснис и им подобные. Наши заседания проходили бурно, однако на них в основном критиковалась разнузданная, открыто антисоветская истерия, наступательная тактика Межрегиональной депутатской группы, однако все бурные дискуссии уходили «в песок». Почему? На наши заседания, как правило, приезжал Председатель Верховного Совета Анатолий Иванович Лукьянов и всех успокаивал: «Не надо пикироваться, надо находить согласие. Мы с Михаилом Сергеевичем Горбачевым решили придерживаться центристских позиций». И далее «популярно разъяснял», что значит центристская позиция. Естественно, слушая уговоры Председателя Верховного Совета СССР – ближайшего сподвижника главы государства, мы «остывали» в надежде, что они отдадут отчет в происходящем и их действия по отношению к оппозиции будут адекватными. Тогда мы еще верили, что к гражданскому согласию в обществе можно прийти без потрясений.

Фактически же в последующие дни и недели Межрегиональная депутатская группа вообще обнаглела и стала садиться верхом на съезд. Их агрессивный пыл несколько охладила внезапная смерть А.Д. Сахарова. Вообще эта смерть удручающе действовала на всех. Что касается нас, то мы скорбели не только потому, что страна лишилась такого крупного ученого. Мы видели в нем выдающуюся личность, гражданина, который по многим позициям действительно стоял на истинно демократических позициях. Почему о нем сегодня «забыли» псевдодемократы Г. Попов, Ю. Афанасьев, Е. Гайдар и прочие? Да потому, что он их явно не устраивал, ибо он в принципе стоял за социализм. Во всяком случае, он был за сохранение существовавшей системы народного образования, здравоохранения, обеспечения народа жильем, гуманного отношения к детям и молодежи, он ратовал за развитие науки и культуры, участие общественных организаций в жизни страны. Он был против узурпации власти кем бы то ни было. Это псевдодемократов не устраивало. Но они охотно подхватывали, смаковали и тиражировали его ошибочные заявления, сделанные на основе ложной информации. Например, как известно, Сахаров был категорическим, хотя и далеко не единственным противником ввода наших войск в Афганистан. Однако если ввод состоялся, то наши солдаты, выполнявшие свой воинский долг и присягу, заслуживали по-настоящему отеческой заботы. Сам Сахаров в Афганистане не был, но слушал различных злопыхателей, которые питали его беззастенчивой ложью о нашей армии. Он верил в эти рассказы и выдавал полученную «информацию» иностранцам на своих пресс-конференциях. Так, в Канаде на одной из встреч с прессой заявил, что будто в Афганистане бывали совершенно дикие случаи: чтобы солдаты и офицеры наших подразделений, окруженных душманами, не попали к ним в плен, в этот район высылались советские вертолеты и самолеты, которые и уничтожали попавшее в окружение подразделение. Когда мне впервые сказали об этих измышлениях Сахарова, я не поверил. Но когда мне показали видеозапись пресс-конференции, на которой кроме Сахарова присутствовала Е. Боннэр и переводчица, то я был поражен, и в первую очередь тем, что сам Сахаров мог поверить в эту ложь. На эту же тему он как-то выступил и на заседании съезда, что вызвало возмущение депутатов.

А возмущаться были основания. Ведь если наш убитый солдат по каким-то обстоятельствам оставался на вражеской стороне, то специально организовывался бой, чтобы захватить этот район и вытащить тело убитого воина. Что же касается живых, попавших в засаду или окружение, то принимались все меры по оказанию помощи, в том числе вертолетами. Это прекрасно могут подтвердить боевые вертолетчики, Герои Советского Союза генерал-полковник Виталий Егорович Павлов и генерал-майор Валерий Николаевич Очиров, прекрасно знающие, что такое война в Афганистане.

Но Сахаров стал жертвой враждебных социализму сил, поэтому они его «обрабатывали» и использовали, как могли. Мне хочется верить, что в последующем он жалел об этих своих выступлениях. Когда он был жив, мы знали, что он – сдерживающая сила в осинном гнезде псевдodemократов. Когда же он умер, то они вначале несколько приутихли, а затем с еще большим психозом обрушились на существующий строй. Но ни Горбачев, ни кто-либо из его ближайших соратников совершенно никак не реагировали на их выпады. Резонно напрашивался вопрос: кто ты, товарищ Горбачев, и товарищ ли ты?

И никто не знал, может, за исключением председателя КГБ В.А. Крючкова, что Горбачев уже полностью переродился, стал предателем и к тому времени совершил несколько государственных преступлений. Вот он и сидел молча, пропуская мимо ушей антисоветские выпады.

Интересным событием для съезда народных депутатов и для страны в целом стало избрание Горбачева Президентом СССР. Когда было внесено предложение – в целях экономии средств и оперативности избрать президента страны не всенародным голосованием, а на съезде народных депутатов, то всем стало ясно, для чего был вообще учрежден этот орган – съезд народных депутатов. Просматривалась стратегическая цель – избрать в народные депутаты, помимо достойных лиц, и противников существующего строя, даже отбросы общества, которые и станут раскачивать государство. А оно к тому времени и без того плыло в неизвестность без руля и без ветрил. Подавляющее же большинство оппозиции были открытыми сторонниками Горбачева. И расчет был прост – за счет подобранного состава депутатов избрать Горбачева президентом. Но если были бы выборы всенародными, то, конечно, Горбачев провалился бы с треском. Однако для выборов президента нужна альтернатива. Наша депутатская группа «Союз» выдвинула Николая Ивановича Рыжкова. Делегированные от нас представители получили от Рыжкова согласие и твердое слово, что он ни при каких обстоятельствах свою кандидатуру не снимет. От работников МВД был выдвинут Бакатин. Свою кандидатуру предложил народный депутат Оболенцев.

На следующий день на трибуну выходит Бакатин, благодарит за доверие и снимает свою кандидатуру. Это никого не удивило. Но каково было наше изумление, когда то же самое заявил и Рыжков! Мы делали на него ставку, у него были все шансы стать президентом, и тогда, возможно, события развивались бы совсем иначе, но...

Как впоследствии стало известно, состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, где Рыжкову настоятельно предложили снять свою кандидатуру, что он и сделал. В результате избрали Горбачева. Надо было набрать 50 процентов плюс один голос. Горбачев набрал... Но если бы мы избрали даже Оболенцева, я уверен: Советский Союз не развалился. Однако если бы не снял свою кандидатуру Николай Иванович Рыжков, то у нас не только был бы сохранен Советский Союз. Перед нашей страной открылись бы пути развития социализма в современных условиях, то есть с наличием рынка и трех видов собственности.

В той ситуации я тоже голосовал за Горбачева. Но должен сказать, что на меня очень сильно повлияла реплика народного депутата от Кузбасса Авалиани. Выступая с места при обсуждении кандидатов на пост президента, он сказал о Горбачеве: «Уважаемые народные депутаты! Опомнитесь! За кого вы хотите отдать свой голос? Я этого человека знаю прекрасно. Он предаст нас. Уже сегодняшние дела говорят о том, что именно это он делает. Ни в коем случае не голосуйте за Горбачева!»

Это прозвучало очень сильно. Почему-то не нашлось среди депутатов еще двух-трех, которые бы выступили с подобными заявлениями. Но если бы это случилось – ситуация была бы переломлена и депутаты проголосовали бы против Горбачева. Однако голос Авалиани прозвучал как в пустыне. Но это был поступок. И как бы кто ни оценивал Авалиани сегодня, его выступление на съезде народных депутатов против Горбачева было смелым, достойным, и оно останется в истории ярким примером правильного предвидения событий и образцом гражданского мужества.

То, что никто, в том числе и я, из военных депутатов не выступил против кандидатуры Горбачева в президенты, – это ясно: некорректно выступать генералу или полковнику против Верховного главнокомандующего с трибуны съезда. Да и не знали в то время, что он нас предал. Но до сих пор не могу понять, почему мы, военные (а мы посоветовались, прежде чем голосовать), «поплыли по воле волн», по заданной инерции и проголосовали за Горбачева. Видно, нас обескуражил отказ Рыжкова. А больше выбора не было. Не думаю, что это только сила дисциплинированности толкнула нас на такое решение. Все-таки и в этом случае, и в последующем – во всех событиях, которые потрясли нашу страну, главную скрипку сыграло крайне слабое и незрелое политическое ядро. Сюда я отношу ЦК КПСС.

Конечно, первоначальный состав ЦК мог себя проявить, смог сказать свое слово. Скажу откровенно, лично я большие надежды возлагал на Егора Кузьмича Лигачева. Хотя он и является автором выдвижения и продвижения на высшие посты такого чудовища, как Ельцин, но это уже другой вопрос. Ельцин мог бы и не состояться в том монстрическом виде, если бы на пути действий Горбачева возникали препятствия. Ведь у генсека-президента, не считая Раисы Максимовны, была опора в два-три человека – Яковлев, Шеварднадзе и в какой-то степени Медведев. Неужели все остальные и в Политбюро, и в целом в ЦК не видели, что творится? Будучи одним из старших по возрасту и вторым секретарем ЦК, Егор Кузьмич просто обязан был поставить вопрос о пребывании Горбачева на посту генсека. Он же чего-то ждал, мельтешил, а в целом просто трусил выйти и открыто сказать: «Жизнь показала, что Горбачев не оправдал нашего доверия. Предлагаю освободить его от должности генерального секретаря и вывести из состава ЦК КПСС». Все! И ЦК, несомненно, поддержал бы его. Но Лигачев на такой поступок был не способен. Наоборот, он всячески помогал генсеку, а тот разваливал страну.

Не встречая препятствий, Горбачев сам начал вышибать вначале из Политбюро, а затем и из ЦК наиболее видных и стойких лидеров – Кунаева, Щербицкого и т. д. Затем сразу сто человек – членов ЦК вдруг «добровольно» подали заявление о выходе из ЦК КПСС «по собственному желанию». Некоторое время сопротивлялся только генерал армии Анатолий Иванович Грибков. Он прямо заявил: «Я не намерен выходить из состава ЦК». Естественно, аппарат засуетился, начал всячески его обрабатывать, чтобы он дал согласие и написал заявление о добровольном уходе из состава ЦК по возрасту. Давили до тех пор, пока не получили это заявление.

Из ЦК вывели именно тех, кто, несомненно, поддержал бы предложение об освобождении Горбачева от должности генсека или сам бы поднял этот вопрос. Создавалась парадоксальная ситуация – Лигачева «уходят» на пенсию, а его одноклассник Яковлев продолжает рулить в ЦК. До сих пор не могу понять: то ли партийная элита не представляла тех последствий для страны, к которым вел Горбачев, или же все были скованы страхом о возможных последствиях для себя лично, если вдруг выступят против Горбачева.

Надо признать, что наши противники умели делать «ход конем», в особенности когда дело касалось лично их. Взять того же Шеварднадзе. На посту министра иностранных дел СССР он нанес огромный ущерб стране, о чем не раз выступали на заседаниях съезда и в печати депутаты Алкснис и Петрушенко. А вот когда для него лично запахло «паленым», то Шеварднадзе вылез на трибуну с заявлением, будто к власти рвется диктатура полковников (он имел в виду полковника Алксниса и полковника Петрушенко – только их реплики из зала

тогда и можно было слышать), поэтому-де он, Шеварднадзе, не видит дальнейшей возможности оставаться на своем посту, слагает с себя обязанности министра иностранных дел и уходит в отставку. Фарс был разыгран по высшему классу. Особенно в отношении диктатуры полковников. Все, конечно, выглядело смешно. Но Шеварднадзе цели достиг. Вся «демократическая» пресса подхватила его домыслы о грядущей диктатуре.

А ведь подоплека всему этому состояла в том, что Горбачев и его ближние, несмотря на соратнические отношения с Шеварднадзе, были весьма озабочены тем, что на международной арене тот все больше слыл как «великий демократ» и миротворец. Чем больше он сдавал интересы своей страны, тем больше комплиментов получал на Западе, заслоняя собою главного творца «нового мышления». Эти лавры Горбачев не хотел бы делить ни с кем. Видимо, потому и возникла идея с почестями увести Шеварднадзе со своего поста. Решено было ввести должность вице-президента и предложить съезду народных депутатов избрать на эту должность именно Шеварднадзе. Синекура – лучше не надо: сам ни за что не отвечает, и ему никто не подчиняется, выполняет отдельные поручения президента – всё. Новый же министр иностранных дел потратит достаточно много времени, чтобы поднатореть в своей области. Поэтому все международные дела снова будут в руках Горбачева.

Шеварднадзе «пронюхал» о замысле и решительно сделал упреждающий ход, обезоружив всех, и Горбачева тоже. Отставного министра на вице-президента предлагать нельзя. Вот все и засуетились. Распространители слухов начали пропагандировать среди депутатов на эту должность другого кандидата – Геннадия Ивановича Янаева. Его и избрали. А Шеварднадзе готовил себя уже к более крупным делам.

И этот и другой случай наталкивают на мысль: почему антисоветчики, люди, ненавидевшие социализм и компартию, могли в нужный для себя момент сделать какой-то выпад, а вот истинные коммунисты, готовые даже свою жизнь отдать за сохранение Советского Союза, такого шага не сделали? К примеру, председатель КГБ Владимир Александрович Крючков. Ведь в свое время он располагал материалами о том, что Александр Яковлев был связан с ЦРУ, однако не пресек его разрушительную деятельность. Он лишь «отважился» на разговор с Горбачевым, который фактически не отреагировал на просьбу Крюčkова дать разрешение проверить данные о связях члена Политбюро ЦК А.Н. Яковлева с ЦРУ США. А ведь тогда можно было взорвать всё «кодло»: убрать Горбачева и разоблачить Яковлева. И страна продолжала бы жить как единое целое. Но этого не произошло. Не нашлось нужных сил, чтобы разоблачить и убрать откровенных врагов. Видно, в бытность Горбачева на ключевые посты в Политбюро ЦК КПСС и в правительство, особенно на силовые министерства, умышленно назначались такие, кто должен думать по Горбачеву – получив пост, в первую очередь несет ответственность не перед Конституцией СССР, нашим народом, партией и государством, а именно перед Горбачевым, который их выдвинул и «протянул» (кое-кого с трудом) через Верховный Совет. Значит, и ответственность они должны нести именно перед ним, а не перед народом. Горбачев понимал это именно так и только так!

Когда в отношении меня проходил суд по делу ГКЧП, то по моему требованию, совпавшему с требованием суда, на заседание в качестве свидетеля был вызван Горбачев. Суд был открытый, зал был переполнен. В первом ряду в качестве свидетелей находились почти все члены ГКЧП и другие лица, которые проходили по этому делу. В своем выступлении Горбачев пространно говорил о «неблагодарности», которую ему пришлось испытать от тех, кто, по его мнению, лично ему обязан всем, и в первую очередь своим государственным или партийным постом. Обращаясь к суду и ко всем присутствующим, Горбачев, стоя на трибуне, повернулся к тем, кто сидел на первом ряду, и, показав на них пальцем, сказал: «Вот они все здесь сидят, посмотрите на них. Ведь это я каждого за уши вытянул на его пост! А они?!»

Но все-таки надо отметить, что даже эти лица, которые «обязаны» были Горбачеву, не могли дальше терпеть развал государства и в августе 1991 года выступили против его политики.

Однако выступление было запоздалым и к тому же вялым и нерешительным. Четкие организующие позиции отсутствовали. А самое главное – не было никаких действий. Все члены ГКЧП чего-то ждали – может, пришествия мессии? Совсем забыли организаторы предупреждение Владимира Ильича: «С революцией не шутят!» Фактически тогда и должна была свершиться революция, а получился пшик, которым воспользовалась контрреволюция. И ее зловонный шлейф, отравляя людей и жизнь, тянется по всей стране по сей день. А страна не умирает, потому что заложенные в нее в течение 70 лет гены до того живучи, что даже в огне ада не сгорают. Любая другая страна уже бы давным-давно вымерла, а наша – живет!

Вот еще один пример того, что наша партийно-государственная опора не обрела, к сожалению, той реальной силы, которая была бы над всей страной и только во имя народа.

Одно из заседаний IV съезда народных депутатов неожиданно для большинства началось с того, что слово предоставили народному депутату от Чечено-Ингушской автономной республики Сажи Умалатовой. Она спокойно вышла на центральную трибуну и, не пользуясь никакими записями, детально и популярно обрисовала то странное положение, в котором оказалась наша страна в результате пресловутой перестройки. Люди ждали улучшения жизни, процветания, а получили самое худшее, что нельзя было даже предположить. И, обращаясь к Горбачеву, Умалатова сказала: «Михаил Сергеевич, вы не оправдали наших надежд, поэтому обязаны добровольно оставить пост Президента СССР».

12—15 ярких минут прозвучали как набат. Ведь кто говорит? Женщина! Да еще и от рабочего класса! Не нашлось ни одного мужика, а тем более партийца, которому деятельность Горбачева должна быть виднее, чтобы выйти и вот так, как Умалатова, развенчать «вождя».

К тому времени партия, уже болея, деформировалась под давлением чуждых элементов, находившихся в ее рядах. С одной стороны, она, как перегруженный и добром и мусором (19 миллионов коммунистов, но кого там только не было?!) воз, еле плелась, но не впереди, а за народом и за событиями, не предопределяя не только тактику и стратегию, но даже не реагируя на события и тормозя действия народа. С другой стороны, она была больна всеобъемлюще – идеологически, организационно, структурно. Под видом демократического централизма развивалось холуйство и угодничество, ибо партия была засорена случайными и недостойными людьми. Демократический централизм предполагает безоговорочное выполнение решений ЦК КПСС, принятых большинством при голосовании. Но вся беда в том, что другой системы не придумали еще, а эта внутренне порочна: главный демократ (в этом демократическом централизме) сидит, естественно, в центре, как и положено генсеку, и определяет (сам или с несколькими приближенными по Политбюро или Президиуму) линию, которую надо, по его мнению, проводить. «Линия» эта распространяется и, естественно, «одобряется». Проводится голосование – большинство «за». Но есть и строптивое меньшинство, которое «против». Оно обязано подчиняться. Но поскольку в последние годы ничего из начатого не доводилось до конца, а генсек-президент этого и не требовал, то государство стало киселеобразным, аморфным: никто ничего не выполняет. Так и с законами – в центре их принимают, а в республиках не выполняют, выпускают свои. Началась «борьба законов». Но никто за это не заплатил, а народ страдал и продолжает страдать.

Вот и сейчас у нас, в КПРФ, отдельные фрагменты напоминают прошлое КПСС. И в малом, и в крупном.

Взять, например, организацию борьбы за тех кандидатов в депутаты на выборах в Государственную думу или на пост губернатора, которые наверняка не пройдут, но мы все равно агитируем, хотя многие против такой «работы». Или еще хуже – проводим в области агитацию за нашего, действительно достойного, кандидата и уверены, что он будет обязательно избран, а руководство за три-четыре дня до выборов меняет свое решение в пользу человека, которого не только не уважают, но презируют. При этом дается команда, чтобы «наши» голоса были отданы в пользу последнего. Так было в Курске. Провели солидную работу по агитации избирателей

за кандидата на пост губернатора Александра Николаевича Михайлова – первого секретаря областного комитета КПРФ. В области Александра Николаевича все отлично знают, пользуется он высоким авторитетом, нигде ни в одном районе по поводу его кандидатуры не было ни малейшей тени. Все были уверены, что будет избран Михайлов. Но за три дня до выборов поступает команда руководства КПРФ – Михайлову выступить по телевидению и призвать избирателей, чтобы они отдали свои голоса за... Руцкого!

Это было как гром с ясного неба! Перед тем как ехать в Курск, я поговорил с руководством КПРФ, и было принято решение – призывать голосовать только за Михайлова. Однако Руцкой, обнимая и целуя партийных боссов, заверял их чуть ли не со слезами, что если ему доверят народно-патриотические силы (куда входит и КПРФ), он всю жизнь будет работать только на народ и во имя народа. Зацеловав всех начальников, он заставил их вначале дрогнуть, а потом и изменить решение в пользу его, то есть Руцкого.

Став губернатором, Руцкой на второй день собрал свое окружение и официально заявил: «Всё! Базар кончился. С этого дня в Курске и Курской области никаких демонстраций, сборищ, митингов, шествий и прочего – не будет. Все это запрещается! Надо заниматься делом». А уже на следующий день попросился на прием к президенту Ельцину, приложив к сему свои клятвы в верности и любви. Президент, правда, по какой-то причине не допустил «лизателя» к своему телу. Зато Руцкой в порядке благодарности за избрание скрутил две смачные дули – одну Геннадия Зюганову, а вторую Николаю Рыжкову. Это факт. Да и можно ли было ожидать чего-то другого?

Много шумим, да мало делаем. Ежегодно, к примеру, собираем миллионы подписей с целью отрешения Ельцина от власти, но дела до конца не доводим.

Все последние годы НПСР во главе с КПРФ старается как-то пристроиться к профсоюзам. А те и близко их не подпускают. Видимо, считают, что именно они и есть решающая сила, за которой идет трудовой народ. И народ действительно идет за ними. Нам конфликтовать с профсоюзной элитой вроде ни к чему, но и унижаться – нельзя. А что же дальше? Ответа нет. Топчемся на месте.

А возьмите вопрос объединения российских компартий. Проблема эта встала уже в 1993 году. В 1994 году, после того как надо мной закончился судебный процесс и я был оправдан, мне уже совсем можно было включаться в общественную деятельность, что я и сделал. Тогда Геннадий Андреевич переговорил со мной на эту тему и попросил принять участие во встречах руководителей компартий и посодействовать их объединению. Я, естественно, согласился и считал для себя это важнейшей задачей, тем более что она стояла значительно шире, чем объединение только компартий. Надо было объединить все оппозиционные силы, включая Российский общенародный союз Сергея Бабурина и «Трудовую Россию» Виктора Анпилова. Взялись за дело горячо. Организационную часть, то есть сбор лидеров, решили возложить на Сергея Николаевича Бабурина. Он благородно согласился.

Четыре раза назначались сроки встречи, причем согласовывались в первую очередь с КПРФ, и четыре раза собирались все, кроме представителя КПРФ. Лидер РКРП Виктор Тюлькин дважды приезжал из Ленинграда, а лидер КПРФ, находясь в Москве, не удостоивал собравшихся своим присутствием. Каждый раз, когда после срыва я спрашивал руководителей КПРФ – в чем же дело, почему не является даже представитель от КПРФ? Остальные ведь приходят... А в ответ слышал: «А что толку, что приходят? Они против объединения, мы же с ними по отдельности беседуем». – «Тогда, может, нам не надо собираться?» – задавал я резонный вопрос руководителям КПРФ. «Почему же не надо?» – отвечали мне они. – Наоборот, надо». Мы уточняем день, час новой встречи. Опять просим С. Бабурина – увы, теперь все заявили, что больше не придут.

Возможно, я в чем-то ошибаюсь, но предвзятое отношение к другим «братьям по оружию» у руководства КПРФ есть. И чем дальше, тем все больше оно проявляется. К примеру,

выдвижение кандидатов по одномандатным округам на выборах в Государственную думу второго созыва обсуждалось еще до начала избирательной кампании. Не хочу раскрывать в деталях того, что касалось меня, – все было очень странно. Но об Олеге Семеновиче Шенине кое-что сказать необходимо. Думаю, всем известны неприязненные отношения между Зюгановым и Шениным. Чем это объяснить – не знаю. Однако личные отношения, на мой взгляд, не должны отражаться на таких крупных политических кампаниях, как выборы. Первоначально планировалось, что председатель Союза коммунистических партий – КПСС О. Шенин пойдет по центральному списку партии, в числе тех двенадцати видных фигур, которые определяли лицо КПрФ. Всеми это было воспринято с пониманием. Уже сам этот список говорил о многом, в том числе и о единстве коммунистов. Но наша радость длилась недолго. Через некоторое время тех, кто составлял вторую половину центрального списка, вызывают на заседание группы и от имени Президиума ЦК КПрФ во главе с Г. Зюгановым предлагают перейти в региональный список – якобы для усиления последнего. Смешно, но факт. Ну, для меня и таких, как я, не имеет значения, в какой части списка находиться, однако для председателя СКП – КПСС это очень важно. Ему же предложили идти по региональному списку – на Северном Урале. О. Шенин категорически отказался. Первую причину я уже назвал – конечно, Шенин, как и Зюганов, должен идти по главному списку. Вторая – для Шенина Свердловская и прилегающие к ней области – малоизвестный регион. Да и избиратели этих областей, знаменитые своей приверженностью в то время к Ельцину, тоже мало знали Олега Семеновича, а если кто и знал, то только как противника Ельцина. Поэтому правильно сделал О. Шенин, что отказался от этого эксперимента. Но, что примечательно, его особенно и не стали уговаривать. Вроде на это и рассчитывали, и спланировали предложить такой вариант, чтобы он отказался. Вроде и «приличия» соблюдены, и в то же время без особых хлопот избавились от политика, который лидером КПрФ явно будет мешать.

Но как решить глобальную проблему объединения братских народов в одну семью, не объединив компартий? Видно, этот вопрос для руководства КПрФ не актуален. Вообще за эти годы у меня накопилось немало претензий к нему.

Но приведу еще примеры – ратификация договора между Россией и Украиной. Руководство КПрФ, в том числе и Г.Н. Селезнев с С.П. Горячевой, стояли горой за ратификацию и в свое время, побывав в Киеве, пообещали, что Дума непременно так называемый «большой» договор ратифицирует. Накануне рассмотрения вопроса о ратификации состоялось заседание нашей фракции. Большинство высказались за ратификацию. Однако 16 депутатов из нашей фракции решили не голосовать, а четверо категорически высказались против.

Почему я не голосовал за ратификацию? Потому что этот договор не учитывает интересов России. Вместе с договором почему-то не решается проблема Черноморского флота и судьба Севастополя, как того требуют справедливость и история. Я уже не говорю о той дикой ситуации, которую создала Украина вокруг фарватера в Азовском море и Керченском проливе. Не поднимаю и вопроса о том, кому фактически должен принадлежать Крымский полуостров, если исходить из исторической справедливости. Не говорю и о том, была ли вообще когда-либо Украина государством. В истории известна Киевская Русь, знаем мы, как она создавалась, как и какие народы отстаивали ее единство. А когда центр Великой Руси переместился в Москву – Киевская Русь стала Краиной (Украиной) Великой Руси, то есть ее частью. И вполне понятны кровные и культурные связи двух наших народов.

Но, не поднимая всех этих проблем, я задаю единственный вопрос: если мы намерены жить в мире и согласии, а в перспективе вернуться в общую семью, то зачем нам сейчас договором устанавливать государственные границы между Россией и Украиной, которых не было за всю тысячелетнюю историю их существования? Зачем? Мы же с Белоруссией таких границ не устанавливаем.

Когда на пленарном заседании Государственной думы РФ был объявлен перед голосованием перерыв, то, прохаживаясь по залу, случайно оказался возле заместителя председателя Госдумы С. Горячевой и министра иностранных дел России И. Иванова. Они разом задали мне вопрос: «Как вы будете голосовать?» – «Я презираю авторов этого договора. Он не сближает, а разъединяет наши народы...» – ответил им я.

Думаю, мало кто в Государственной думе так близко и тесно связан с Украиной, как я (может, только те, кто там родился и долгое время жил). Посудите сами: в годы Великой Отечественной войны после Сталинграда я прошел с боями всю Украину, форсируя все ее реки – Днепр, Южный Буг, Ингулец и т. д. Жена моя, Елена Тихоновна, – украинка из Запорожья. После войны очень мало служил в Киевском военном округе, в Черкассах, где в 1951 году родился мой первый сын. В 1970-х годах командовал Прикарпатским военным округом. Дважды от Украины меня избирали депутатом Верховного Совета СССР. Был я членом ЦК Компартии Украины. Во Львове у нас родилась внучка. В общем, корней, связывающих меня с Украиной, предостаточно. Народ этот и его чаяния знаю прекрасно. И со всей ответственностью могу сказать, что договор, который Дума ратифицировала, конечно, на руку США, НАТО и националистам Украины, в том числе коммунистам-националистам, и особенно Л. Кучме, но он против интересов народов России и Украины.

Время высветит истину.

12 декабря 1991 года из всего Верховного Совета РСФСР против ратификации Беловежских соглашений проголосовали только 6 человек, в том числе С.Н. Бабурин. А ведь депутаты – члены КП РСФСР проголосовали тогда «за» – фактически за ликвидацию Советского Союза. Это никогда не забудется.

А почему они так проголосовали? Неужели по злему умыслу? Неужели хотели развалить Великую державу – Советский Союз? Нет, конечно! Многие – стремясь избавиться от Горбачева, который действительно заслуживал только презрения, а вместе с ним и от центра. Голосовали за ратификацию Беловежских соглашений, совершенно не думая о последствиях этого шага для государства и народа. Предположим, что в Беловежье под пьяным угаром Ельцин, Шушкевич и Кравчук могли подписать любую глупость. Но ведь были Верховные Советы республик, значит, их элитная и наиболее разумная часть, то есть коммунисты, истинные демократы, патриоты, должны были подумать: сможет ли каждая республика существовать совершенно самостоятельно и что же станет со страной в целом? Об этом не подумали.

Вернемся к одному из положений демократического централизма – право меньшинства на изложение своих взглядов, учет их при выработке решений и подчинение меньшинства большинству после принятия решения. Иными словами, должна соблюдаться партийная дисциплина, поскольку невыполнение принятого большинством решения или отход от положений демократического централизма могут в итоге привести к анархо-синдикалистским извращениям и в конечном итоге к краху.

И все-таки возникает вопрос: как быть в случаях, когда меньшинство право?

Думаю, что нужны дополнительные положения, чтобы избежать ошибок. Я убежден, что ратифицированный договор России и Украины принят во вред России и обоим народам. Время и история это докажет. Главное – не голосовать против своей совести. И в то же время, согласно демократическому централизму, я не должен голосовать против общего решения. Наоборот, обязан голосовать против своей воли «за». Но, простите, какая же это демократия? Ведь нельзя же путать завод, колхоз, воинскую часть (где приказ – закон) с законодательным учреждением, научно-исследовательским институтом или конструкторским бюро, где должна быть борьба мнений и где кого-то лишать возможности отстаивать свою позицию, наверное, неправомерно.

В общем, здесь есть вопросы.

Почему идет одностороннее сокращение ВС?

Но я, кажется, увлекся. Давайте вернемся в конец 1980-х – начало 1990-х годов, когда я должен был заниматься проблемами Сухопутных войск Вооруженных Сил Советского Союза, куда занесла меня военная судьба.

Центральной проблемой для Главного командования Сухопутных войск, Министерства обороны СССР, да и для страны в целом в то время было обеспечение вывода нашей огромной группировки войск из стран Восточной Европы и Монголии. Самым сложным было то, что для выводимых войск на территории Советского Союза фактически не было подготовлено не только военных городков, но и жилья для офицерского состава. Вторая проблема – это совершенно безумные и необоснованные темпы вывода.

В связи с этим я всегда приводил в пример Канаду. Эта благополучная в экономическом, политическом и в других отношениях страна выводила из ФРГ свою пехотную бригаду численностью полторы тысячи человек более двух лет. А мы почему-то ежегодно обязаны были выводить по 100–120 тысяч.

Куда мы спешим? Почему мы спешим? И вообще, если говорить о Германии, то зачем нам эти гроши, которые выделял Коль Горбачеву в обмен на согласие объединить две Германии? Коль выделял всего 13,8 миллиарда марок, а мы оставляли в ГДР только нашей недвижимости более чем на 90 миллиардов марок. И вообще – зачем нам немецкие деньги? Мы оказались в Германии не по своей воле. Поскольку возникла проблема объединения двух Германий и, следовательно, поднимается вопрос о выводе наших войск, то мы готовы сделать это, но при условии, что Германия для нашей группировки, уходящей с ее территории, построит военные городки, жилье для офицеров и прочую инфраструктуру – уже на территории СССР. Вот тогда и мы будем готовы выводить свои войска. И выводить соответствующие части будем постепенно, по мере готовности военных городков.

Не надо нам никаких денег. Мы же победители! Немцы обязаны построить в нашей стране все, что необходимо для вывода наших войск из Германии.

Что касается других стран Восточной Европы, то тоже не они, а мы должны диктовать условия нашего вывода. Тем более таким странам, как Венгрия, которая в годы Второй мировой войны выступала в качестве сателлита фашистской Германии.

А сколько погибло наших воинов при освобождении стран Восточной Европы от гитлеровской Германии! Только в той же Венгрии, в одном сражении у озера Балатон, погибли тысячи советских воинов. А сколько наших ребят сложили свои головы в одной только Пражской операции в Чехословакии! При освобождении Польши от фашистской оккупации полегло 640 тысяч наших солдат и офицеров. Какие могут быть претензии к советским воинам? На них молиться надо, а Горбачев за период своего пребывания у власти до того натравил народы Восточной Европы против Советского Союза, что мы уже не были не только друзьями, но и союзниками, а в последующем даже стали врагами. Одни покаяния Горбачева – Яковлева за 1956 год в Венгрии и 1968 год в Чехословакии чего стоят.

Как отличается вывод наших войск из Афганистана от того, как уходили советские части из Восточной Европы. В Афганистане были и цветы, и слезы, и дружеские рукопожатия. А из Восточной Европы наши ребята уходили как после подзатыльника и пинка. Это был не вывод, а бегство наших войск с территорий стран, которые были нам обязаны очень многим, в первую очередь свободой и самой жизнью. А свобода эта была добыта в бою, и ей нет цены, ибо кровь и отданные жизни сотен тысяч наших воинов бесценны. Кому и за что мы должны были еще платить за проезд и провоз по их территории? Это же дикость! Только Горбачев и особенно Яковлев и Шеварднадзе могли довести нашу страну до такого падения и унижения. Причем умышленно.

На завершающем этапе вывода Западной группы войск из Германии туда припожаловал сильно «подогретый» президент России и стал дирижировать полицейским оркестром, при этом приплясывая по-сатанински. Бедный Коль и тот не знал, куда ему деть свое большое тело

подальше от этой пьяной клоунады, – ведь кругом были телекамеры. Вот это действительно было «торжество». Кстати, непонятно почему наш всеми уважаемый глава Русской православной церкви Алексий II до сих пор прилюдно не объявляет, что в теле Ельцина сидит сатана. Ведь это же всем очевидно: как только Борис Николаевич «врежет» – сатана тут же выскакивает наружу. Ведь это же позорище, умудряется в церкви по праздникам позировать со свечкой перед телекамерами.

Что касается Восточной Европы, то это был единственный торжественный момент, который немцы с превеликим удовольствием записали на видеопленку и прокручивают ее по Германии и на всю Европу в основном в двух случаях: в рубрике «Вечер смеха» или же в передачах на серьезную тему «Развитие человечества. Раздел – русский интеллект». Для кого-то «концерт» Ельцина до сих пор вызывает гомерический хохот высшего класса, а для нас – это срам и стыд, в котором участвовал глава нашего государства, гарант Конституции, призванный олицетворять честь и авторитет России.

Вывод же войск из Монголии прошел тихо, незаметно, безлико. Как и в Европе, там были оставлены прекрасные военные городки и другие сооружения. Особенно добротными, современными были построенные нами аэродромы и все необходимое для жизни и боевой деятельности авиации. Семьи летчиков были обустроены ультрасовременно – мы не имели такого комфорта в СССР. А сейчас все это превращено в руины. Никому не нужно. Развалено и растащено.

Для того, чтобы читатель представил объем нашей работы по выводу войск, я назову несколько абсолютных цифр, которые сегодня, конечно, уже не представляют никакой государственной, а тем более военной тайны. Да и в 1990-е годы, когда выводились наши войска, США и НАТО, конечно, имели все необходимые сведения. Наконец, в переговорном процессе о сокращении обычных вооружений мы тоже обязаны были называть цифры.

За период с 1989 по 1994 год мы должны были вывести 625 тысяч офицеров и солдат. Это все то, что стояло в строю. Сюда надо приплюсовать и семьи офицерского состава и прапорщиков, а также вольнонаемный состав – это еще несколько сот тысяч человек. А всего около миллиона (для сравнения: население республик Северного Кавказа составляет в среднем 300–350 тысяч человек). И всем им нужен был не просто кров, а современные условия для жизни и деятельности. Это в послевоенные годы люди вынуждены были жить и в палатках, и в бараках, и в сборно-щитовых домиках. Но тогда было понятно: только что закончилась самая кровавая и разрушительная война. Сегодня же наши воины должны быть оснащены современной боевой техникой и вооружением, иметь современную жилую и учебную базу. Вот тогда и можно говорить о боевой готовности армии. Увы, к сожалению, при выводе наших войск из Германии это элементарное требование не соблюдалось.

Предстояло же вывести: 35 мотострелковых и танковых дивизий, 2 мотострелковые бригады, 17 ракетных и 15 зенитно-ракетных бригад, 10 артиллерийских бригад, 1 бригаду ВМФ. Далее – 11 авиационных дивизий, включающих в себя 43 авиационных полка, плюс 18 вертолетных полков. Кроме того, около 2 тысяч различных частей и учреждений типа ремонтных заводов, арсеналов и т. д.

В числе крупного вооружения и боевой техники предстояло вывести около 2 тысяч самолетов, почти 1,5 тысячи вертолетов, более 13 тысяч танков, 15,5 тысячи боевых машин пехоты, 8,5 тысяч единиц артиллерии.

Кроме того, нужно было принимать решение относительно управленческого аппарата. Управления Западного и Юго-Западного стратегических направлений, как и управление всех групп войск, а также ряда армий, были расформированы. Жаль, конечно, что были ликвидированы управления таких армий, которые навечно вошли в историю нашего народа и Вооруженных Сил. Например, управление 8-й гвардейской Сталинградской армии (бывшей исторической 62-й армии). Мне жаль не потому, что я в ней воевал в Сталинграде и прошел с боями

до штурма Берлина включительно. А потому, что в наших Вооруженных Силах таких армий больше нет. Переформировали управление армии вначале в корпус, а потом «зарубили» корпус. И произошло это не потому, что к руководству Вооруженными Силами пришли военачальники, которые сами не воевали. А потому, что допущены непростительная небрежность и безразличие к нашей истории. Подход был механический. Никто не думал и не думает о том, что одним из факторов высокой боевой готовности является моральный дух. Я помню, как одни эти слова: «Служу в 8-й гвардейской Сталинградской армии» – поднимали морально-боевой дух солдат. А когда они узнавали в деталях о ее боевом пути, то у каждого крепло желание стать достойным ратной славы гвардейцев-сталинградцев.

В течение 1989–1991 годов мне удалось с помощью Военного совета Сухопутных войск, начальников главных и центральных управлений, с непосредственной помощью заместителя министра обороны по строительству Н.Ф. Шестопалова, заместителя министра обороны по тылу В.М. Архипова и заместителя министра обороны по вооружению В.М. Шабанова решить многие вопросы по минимальному устройству выводимых войск с последующим расширением материально-технической базы. А из 35 дивизий удалось вывести 21 и несколько десятков различных специальных бригад и полков.

Конечно, при необходимости помощь оказывали и министр обороны, и Генеральный штаб – когда нужны были их какие-либо распоряжения.

Особо я должен подчеркнуть важную роль и значение в разрешении этой проблемы местных органов власти. Большую помощь нам оказали руководители Украины – по размещению войск в Ждановке, Кривом Роге, Белой Церкви, Ворошиловграде, Гвардейском и в Советском; руководители Белоруссии – по размещению войск в Марьиной Горке, Заслонове, Слонине. В Белоруссии разместилось и много авиации. Уральцы помогли разместить войска в Тощом, Черноречье, Чебаркуле. Нижний Новгород хорошо принял танковую дивизию, а Тверь – мотострелковую. Читинская область полностью «приютила» все пять дивизий 39-й армии, которая стояла в Монголии. Одна дивизия была расформирована, из двух сделали базы хранения, две разместились в Забайкальском военном округе.

Должен сказать, что решение всех проблем, связанных с выводом войск, мы не просто держали под своим контролем. Мы непосредственно принимали участие во всей подготовительной работе, а затем выезжали в дивизию, которая должна была прибыть в этот пункт, формировали там группу во главе с заместителем командира дивизии и направляли ее в новый пункт назначения, поставив перед ней задачу – вместе с выделенными для группы силами готовить пункт новой дислокации к приему войск. Часто я вынужден был посылать и войска с техникой той дивизии, которая обязана была подготовить себе новое место.

Поистине это было великим переселением. Не преувеличивая, я не пропустил ни одного нового военного городка, который должны были подготовить к приему войск. С сожалением отмечаю, что во многих случаях приходилось вносить капитальные изменения в эту работу, особенно там, где речь шла о реконструкции или приспособлении казарм под временное офицерское семейное общежитие. И с благодарностью вспоминаю, что все отданные распоряжения выполнялись безукоризненно – в срок и качественно.

В перечисленные выше пункты войска были переведены уже при мне. Но еще многое строилось, и строилось капитально. Например, на Украине – на Широколанском полигоне и под Черкассами; в России – Волгограде, Владикавказе, Юрге (СибВО), Чайковском (ПриВО), Богучаре и Ново-Смолине (МВО).

Большую помощь нам оказали мои коллеги – главкомы других видов Вооруженных Сил, хотя бывали и случаи, когда казармы фактически пустовали, но передавать их с баланса на баланс кое-кто не хотел, хотя на этот счет и был приказ министра обороны.

Но все и военные, и гражданские начальники хорошо помогали нам, понимая наше бедственное положение. Однако решающей фигурой во всех этих делах, несомненно, был коман-

дующий войсками соответствующего военного округа. На Украине – вначале генерал-полковник Б. Громов, затем генерал-полковник В. Чечеватов; в Белоруссии – генерал-полковник В. Костенко; в Московском военном округе – генерал-полковник Н. Калинин; на Урале – генерал-полковник А. Макашов; в Одесском военном округе – генерал-полковник И. Морозов. Что касается группировки войск, выведенной из Монголии, то ею полностью занимался фактически только командующий войсками Забайкальского военного округа генерал-полковник В. Семенов. Кстати, он очень удачно разрешил все проблемы в гарнизоне Кяхта.

Вот эти военачальники сыграли главную и решающую роль в подготовке пунктов для приема войск и в самом приеме войск.

Оперативные группы, созданные мной на базе Главкомата Сухопутных войск, были закреплены конкретно за определенными войсками и ежемесячно (а если осложнялась обстановка, то и еженедельно) подробно отчитывались о выполнении графика хода работ по подготовке объекта к приему войск. Это же делал и каждый командующий войсками военного округа: при моем посещении округа или же специальным донесением и устным (по телефону) докладом. В функцию же наших оперативных групп входил не столько контроль над ходом работ, сколько оказание помощи командующему войсками соответствующего военного округа в выполнении стоящей задачи.

У себя в Военном совете мы считали, что вопрос вывода наших войск из стран Восточной Европы и Монголии является чрезвычайным, а фактически оборачивается многими бедствиями, так как он почти не был обеспечен. То, что на перспективу закладывалось строительство, мы приветствовали, однако ждать надо было годы.

Но Военный совет Главкомата был озабочен и другой проблемой, которая по своей значимости не уступала первой. Ведь на самом деле это было одностороннее, то есть только Советским Союзом, сокращение Вооруженных Сил и обычных вооружений. Несмотря на то что к концу 1980-х годов советником президента СССР стал маршал Сергей Федорович Ахромеев – лучший знаток всей переговорной «кухни», мы делали такие «ляпы» в этой области, что просто уму непостижимо. Фактически уже тогда Горбачев шел по пути диктата США по сокращению не только стратегических ядерных вооружений, но и обычных вооружений и Вооруженных Сил. Причем, как ни странно это звучит, в переговорах с Соединенными Штатами по этой проблеме совершенно отсутствовал принцип равной безопасности и поддержания паритета в обычных вооружениях, а также вооруженных сил. Мало того, за рамки переговоров выносились целые виды вооруженных сил США – их военно-морские силы. То есть они совершенно не подлежали обсуждению. Почему? Да потому, видите ли, что они, оказывается, самые крупные и самые мощные военно-морские силы и фактически превышают своей боевой частью все вместе взятые военно-морские силы всех стран.

В то же время Сухопутные войска Вооруженных Сил СССР почему-то подлежали рассмотрению. Вместе с Вооруженными Силами Варшавского договора они действительно количественно превышали такие же Сухопутные войска стран НАТО. Что ж тут странного или удивительного? Ведь у Советского Союза и сухопутная граница имеет протяженность десятки тысяч километров. Да и соседей у нас десятки, а не два, как у США. Это надо же учитывать! А если наши Сухопутные войска сравнить с аналогичными у некоторых наших соседей, то они у нас не самые большие – у Китая больше. И это их дело.

Из общего паритета вооруженных сил в Европе и в мире вырываются наши Сухопутные войска и рассматриваются как объект, угрожающий Европе. При этом, повторяю, военно-морские силы США, все их флоты во всех океанах и морях вообще никак не рассматриваются.

Мало того, на переговорах американцы определяют нам не только количество войск и вооружений, которые мы имеем право иметь в своих Вооруженных Силах на своей территории в европейской части (до Урала). Они нам диктовали, в какой группировке должны пребывать

наши войска в пределах до Урала, и даже определили, какую численность войск мы имеем право иметь на флангах, то есть на севере и юге европейской части.

То, что здесь и близко не было никакой объективности, думаю, это видно и слепому. С кем обычно поступают таким образом, как с нами? Верно, с поверженным противником. Именно ему диктует победитель – сколько и какие вооруженные силы он имеет право держать и в какой группировке.

Действовал молах предательства Горбачева – Яковлева – Шеварднадзе. Это они фактически разваливали все основное наше обычное вооружение и группировку Вооруженных Сил на Западе.

Давайте проанализируем – объективно ли для нас складывалась ситуация? Ведь мы согласились на вывод наших войск из Восточной Европы даже в обход Потсдамских соглашений, если это касалось Германии. Мы даже пошли на то, чтобы вывод состоялся в крайне сжатые сроки, нереальные для нормального проведения этой чрезвычайно сложной операции. К тому же на наших глазах разваливается Варшавский договор. Следовательно, Вооруженные Силы этих стран не могут и не должны рассматриваться как единое целое – союза между ними уже нет, как нет и никакого блока. А блок НАТО остается.

Хочу напомнить, что, увидев разрушительные поездки Горбачева по странам Варшавского договора, я написал доклад на имя министра обороны маршала Д.Т. Язова и начальника Генерального штаба генерала армии М.А. Моисеева о том, что Варшавский договор неминуемо развалится. И произойдет это через несколько месяцев. Учитывая это обстоятельство, я предлагал внести руководству страны предложение – выступить инициатором роспуска Варшавского договора (оговорив этот вопрос с его членами) и призвать Запад к роспуску блока НАТО. Конечно, писал я, Запад никогда на это не пойдет, но наша инициатива будет доведена до мирового сообщества, и народы планеты, несомненно, одобряют нашу действительно мирную инициативу.

Однако коллегия Министерства обороны под давлением определенных сил мое предложение оценила отрицательно. Я очень сожалел, что вопрос на обсуждение был поставлен в мое отсутствие – в это время я находился в Армении в связи с очередным ограблением нашего склада с оружием. Дальнейшие события подтвердили мои предположения.

В общем, Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе довели нашу страну до такого унижения, какого она не испытывала со времен приснопамятной Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Мы сократили обычные вооружения и наши Вооруженные Силы до уровня, который устраивал США и НАТО. Это было открытое разрушение нашей армии. Так сказать, «во имя общечеловеческих ценностей», но вопреки нашим национальным интересам и нашей безопасности. Это было преступление. А преступники не только остались на свободе – они даже частенько красуются на экране. Но это со временем можно будет поправить. Есть беда более опасная, и вот ее-то поправить будет трудно, если мировое сообщество не объединит своих усилий.

Дело в том, что диктат Советскому Союзу был не просто откровенной демонстрацией превосходства и над нашей страной, и над холуистствующими перед США президентом-предателем Горбачевым. Нет, это было нечто значительно большее.

Когда в 1990 году Буш проводил операцию против Ирака «Буря в пустыне», то это была демонстрация силы и полной независимости США от международных законов, от Организации Объединенных Наций. США показали мировому сообществу, что могут направить удар туда, куда они посчитают нужным. По призыву США «под ружье» встали все страны НАТО, к ним присоединилось еще десять государств. А на колеблющихся типа России Буш просто плевал.

Проигнорировав ООН, США и в последующем продолжают действовать в том же духе.

Еще в 1989 году, когда военные убедились, что внутренняя и внешняя политика Горбачева ведет нас к пропасти, мы начали настойчиво предлагать министру обороны поставить вопрос о проведении Горбачевым Главного военного совета (он, кстати, обязан был делать это). В Главный военный совет входила не только коллегия Министерства обороны, но и председатель правительства, председатель Военно-промышленной комиссии, он же первый заместитель председателя правительства, затем председатель КГБ, МВД, министры военных отраслей промышленности, все командующие войсками военных округов (групп войск) и члены военных советов.

18 октября 1989 года такое заседание состоялось. Председательствовал Горбачев. Доклада не было. После его вступительного слова («Вы хотели встретиться – я пришел!») начались выступления. Наиболее резко высказывались все главнокомандующие видами Вооруженных Сил – Ю.П. Максимов, В.И. Варенников, И.М. Третьяк, А.Н. Ефимов, В.Н. Чернавин, В.М. Архипов, а также командующий войсками Приволжского военного округа генерал-полковник А.М. Макашов, министр оборонной промышленности М.Б. Белоусов.

Все с огромной тревогой и озабоченностью говорили о катастрофическом положении в Вооруженных Силах в связи с выводом войск и в военно-промышленном комплексе – из-за отсутствия финансирования заказов. Правительственные же органы, которые непосредственно за это отвечают, на наши запросы не реагируют. В общем, «дебаты» шли полдня. Подводя итоги, Горбачев поблагодарил всех за честный и откровенный разговор, пообещал незамедлительно принять меры по устранению и сказал, что в таком составе мы будем встречаться как минимум два раза в год. Кстати, там же нами был поставлен вопрос о присвоении звания Маршала Советского Союза министру обороны – это тоже показатель отношения к Вооруженным Силам. Вскоре звание было присвоено, но ни одной встречи, ни одного решения Горбачева в пользу Вооруженных Сил или военно-промышленного комплекса так и не последовало...

Соединенные Штаты с окончанием «холодной войны» (как они считают, но я не разделяю этого мнения, что «холодная война» закончилась, а наоборот – приобрела другие формы и таит в себе большую опасность возникновения вооруженных столкновений) не только полностью стали диктовать Советскому Союзу свою волю, но и вообще устранили его с арены как великую державу, а затем с помощью предательского руководства и пятой колонны разрушили его. Таким образом, важнейшее препятствие на пути США к мировому господству было ликвидировано.

Однако еще не все пути к этой цели расчищены. Существует Совет Безопасности ООН, в котором страны-победительницы представлены с времен Ялтинского соглашения на равных. США считают, что это анахронизм, и стараются превратить Совет Безопасности из органа, который принимает важнейшие решения, в том числе по проблемам войны и мира, в рядовой, совещательный. Тем самым ликвидировать на своем пути к мировому господству вторую важнейшую преграду.

Судя по событиям января 1999 года, американцам удастся скомпрометировать этот международный орган. Председатель спецкомиссии ООН австралиец Р. Батлер фактически является сотрудником ЦРУ. Батлер и его комиссия, по сути, выполняли в Ираке шпионские функции, чем нанесли удар по ООН. Одни говорят, что Совет Безопасности от действий Батлера находится в нокдауне, другие – в нокауте, а третьи даже считают, что Совету Безопасности пришел конец.

Соединенные Штаты рвутся к мировому господству. Вроде бы формально путь к нему расчищен. Ан нет! Как мне кажется, в Европе начинают понимать опасность гегемонизма США. Тут нужно вспомнить, что при создании НАТО в 1949 году французы проявили осторожность и вступили в альянс не действительным членом этого военного блока, а только политическим. Генерал де Голль не раз заявлял, что в Европе хозяевами должны быть европейцы, а не пришельцы из-за океана. Эта позиция разделялась всеми, кроме англичан. Дальше – больше.

Начиная с 1950-х годов европейцы пытаются создать Европу без американцев. Далее они определяют единую денежную единицу экю (присоединились практически все страны Европы, даже Великобритания). В 1991 году Коль инициировал подписание в Маастрихте европейцами (без США) договора о создании Европейского экономического и валютного союза. Коль ничего против американцев вслух не говорит, но делает. И правильно делает. Вскоре во Франкфурте появляется Европейский валютный институт – наметка будущего Европейского центрального банка. Наконец, в 1998 году специально существующая Еврокомиссия приняла ряд стран Европы в систему евро. Единая валюта евро уже реально «примерена» на свою национальную валюту большинством стран Европы, которые готовы к обмену пока ценными бумагами, а с 2002 года в Европе будут ходить живые евро, которые станут на пути до этого всемогущего (но не подкрепленного золотом) доллара США.

Вслед за единой европейской валютой, конечно, будет пересмотрена и внешняя оборонная политика. Несомненно, что вслед за долларом будет потеснен и Североатлантический альянс, на который опираются США. На мой взгляд, третье тысячелетие для этой страны не будет столь радужным, каким его рисуют американцы. А вот европейцам «грозит» процветание – через самостоятельность. Но чтобы необходимые ресурсы были бы у Европы в достатке, последней, несомненно, надо ориентироваться на Россию.

Глава 2

Военный совет главного командования сухопутных войск

Состав Военного совета и его приверженность. – Не на обочине, а в центре событий. – Участие Военного совета в решении проблем. – Заявление съезду народных депутатов. – Участие в политической жизни страны. – Поездки, и не только к избирателям. – Съезд народных депутатов. – Пленумы ЦК КПСС. – Г. Зюганов, «Слово к народу», июль 1991 года. – Ельцин в Доме кино против Горбачева. – Создание армейской авиации и дорожно-строительных войск

На протяжении всего времени своей службы и особенно когда я уже изучил круг обязанностей и деятельности Главного командования Сухопутных войск непосредственно, мне этот орган представлялся весьма положительным. На первом плане в решении всех проблем, естественно, всегда выступал главнокомандующий. Вслед за ним – Главный штаб, Главное управление боевой подготовки и другие главные управления. Сами главнокомандующие Сухопутными войсками, в первую очередь Г. Жуков, Р. Малиновский, В. Чуйков, да сами начальники Главных управлений выглядели высоко. Взять хотя бы генерала армии Владимира Яковлевича Колпакчи, бывшего до того командующим Северным военным округом, а затем стал начальником Главного управления Сухопутных войск. Надо заметить, что на эту должность назначался, как на повышение, уже опытный командующий войсками военного округа. И не просто опытный, а достойный военачальник, способный учить и строго спрашивать с командующих военными округами. Вот всеми этими качествами высшего класса и обладал генерал Колпакчи, который был не просто профессионалом, незаурядным организатором и отличным военачальником, а вообще особенным человеком широкой, многогранной эрудиции. И когда он на учении погиб в вертолетной катастрофе, то скорбели все Вооруженные Силы, и не только.

Разумеется, в Главкомате, как правило, были сильные штабы и их начальники, а также Политическое управление во главе с членами Военного совета. Все рода войск и службы были представлены на уровне главных и центральных управлений, а их начальники – в звании генерал-полковника. Ракетными войсками и артиллерией, как правило, командовал маршал артиллерии.

Когда я принял у Евгения Филипповича Ивановского Главное командование Сухопутных войск, то Военный совет Главкомата, в который фактически входили все заместители главкома, начальники родов войск, служб и начальники главных управлений, был высоко подготовленным, исключительно организованным и деятельным. Вообще всю свою службу, начиная с войны, я попадал в сильные коллективы и меня окружали замечательные офицеры и солдаты, хорошо подготовленные, самоотверженные. Естественно, бывали и исключения, но весьма редко. Основная масса действовала так, что я верил в них как в себя. И сейчас вспоминаю их исключительно с теплотой и уважением.

У генерала армии Анатолия Владимировича Бетехтина богатый послужной список. Служить ему приходилось в суровых краях, да и родился он на Севере. Обладает отличной подготовкой и организаторскими способностями. Весьма авторитетный человек. Любые задачи выполняет легко, но с высокой ответственностью.

Генерал-полковник Михаил Данилович Попков – член Военного совета – начальник Политотдела. Хоть он и подчинялся Главпуру СА и ВМФ, но положительной чертой его было то, что он не копировал начальника Главпура А.А. Епишева, а был весьма самостоятельным в принятии решений и руководстве порученным участком.

В 1990 году на этот пост пришел генерал-полковник Николай Андреевич Моисеев. Он добросовестно выполнял свои обязанности, всячески помогал главкому и другим членам Военного совета, был связующим звеном в Военном совете, а Политуправление в его бытность

стало более открытым и прозрачным. В нем не было духа цековщины, то есть какой-то загадочности, таинственности, недосказанности, отчужденности, хотя такие функционеры в наше время были, и старались они говорить вроде все «начистоту», по-партийному... однако между ними и истинными коммунистами, к сожалению, была преграда. Отталкивало от таких деятелей стремление подчеркнуть, что, мол, ты – командир, но и я – член Военного совета, я тебе не подчинен и буду делать так, как считаю нужным. Вот Н.А. Моисеев не был таким и ничего подобного не демонстрировал. Он делал то, что записывалось в решениях Военного совета. И это поднимало его авторитет. Что касается меня, то у нас с ним сложились самые добрые откровенные отношения.

Генерал-полковник Дмитрий Александрович Гринкевич был начальником штаба Группы Советских войск в Германии и несколько лет возглавлял Главный штаб Сухопутных войск. Он немало сделал для совершенствования работы Главного штаба, постоянно помогал штабам военных округов. Для главкома Главный штаб был, разумеется, основной опорой в разрешении всех наших проблем, отношения у нас были хорошие, открытые. Он, как и другие заместители главкома, заходил ко мне в любое время без стука. Д.А. Гринкевич был начальником штаба высшего класса и брал на себя многие крупные вопросы. Но, как и многие люди, побывавшие в своей роли десятилетия, совершенно не терпел ни малейшей критики. Я же на одной из коллегий Министерства обороны критически высказался и в свой адрес, и в адрес Главного штаба СВ относительно недостаточного проведения контроля за службой войск в военных округах. Это вызвало у Дмитрия Александровича обиду – он просто не мог даже представить, что у него могут быть какие-то недостатки. И мы, к сожалению, расстались не так, как хотел бы этого я.

Д.А. Гринкевича сменил генерал-полковник Михаил Петрович Колесников. Он включился в работу так, что никто и не почувствовал, что у нас появился новый начальник Главного штаба. Это был уже опытный руководитель. Перед тем командовал армией и длительное время был начальником штаба Южного стратегического направления. Главнокомандующие этого направления приходили и уходили, а начальник штаба оставался. Надо иметь в виду, что это стратегическое направление и по территории, и по количеству союзных республик фактически было самым большим. Сюда входили: Закавказский военный округ – три союзных (Азербайджан, Армения, Грузия) и несколько автономных республик; Туркестанский и Среднеазиатский военные округа – пять союзных (Казахстан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан и Узбекистан), ряд автономных республик и округов. Естественно, в этих условиях главнокомандующий стратегического направления должен быть на высоте, а его штаб – обеспечить взятие этой высоты. Думаю, что Михаил Петрович с такой задачей справился успешно. Поэтому Главному штабу Сухопутных войск просто повезло, что именно Колесников был назначен на эту должность. Служба у нас с ним спорилась прекрасно.

Неудивительно, что в последующем его забрали в Генеральный штаб, где он был начальником вначале Главного управления, а затем – Генерального штаба. А после этого возглавлял важный федеральный орган, который подчиняется правительству Российской Федерации.

Заместителем главнокомандующего по боевой подготовке – начальником Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск был генерал-полковник Алексей Артемьевич Демидов. Это самое беспокойное управление: никогда не «сидело» в Москве – только в войсках. Оно было призвано обеспечить высокий уровень боевой подготовки каждого военного округа и группы войск, сообразуясь с театром военных действий. Имея за плечами богатый опыт работы в войсках, в том числе успешно командуя одной из групп войск наших Вооруженных Сил, Алексей Артемьевич умело организовал работу Главного управления и обеспечивал решение возложенных на него задач. Напряжение было, естественно, большое, и в один из роковых дней А. Демидов получил инфаркт миокарда. После излечения, по предложению министра обороны, генерал уволился в отставку, хотя в целом мог бы еще потрудиться.

Эту должность занял генерал-полковник Эдуард Аркадьевич Воробьев, который до этого командовал Центральной группой войск. Его я знал прекрасно еще по Прикарпатскому военному округу и поэтому сразу дружески «предупредил», что не следует рассматривать должность заместителя главнокомандующего по боевой подготовке как конечный этап службы. Так оно и получилось – через некоторое время Э.А. Воробьев стал первым заместителем главнокомандующего.

Генерал-полковник Евгений Иванович Крылов был заместителем главнокомандующего по военно-учебным заведениям. Как уже сказано ранее, их в Сухопутных войсках было очень много, поэтому начальники родов войск и служб постоянно следили за своими специальными высшими военными училищами и военными академиями, а генерал Крылов сосредоточивал свои усилия на общевойсковых и танковых высших военных, а также на суворовских училищах, курсах «Выстрел» и Военных академиях им. М.В. Фрунзе и Бронетанковых войск. Каюсь, из-за постоянной нехватки времени я не так уж много внимания уделял Е. Крылову и его управлению, но он успешно решал возложенные на него задачи. Учитывая его высокую эрудицию и умение особо достойно держаться на официальных мероприятиях, я иногда привлекал Евгения Ивановича себе в помощь, если приезжал кто-то из иностранцев с официальным визитом на высоком уровне.

Все названные военачальники были моими ближайшими сподвижниками в Главкомате Сухопутных войск.

Дальше шли рода войск и службы.

Маршал артиллерии Владимир Михайлович Михалкин – начальник ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск. Учитывая, что в Сухопутных войсках артиллерия придавалась уже мотострелковому батальону, естественно, и мотострелковому полку, а ракетные войска – мотострелковой и танковой дивизии, то читатель может себе представить эту огромную систему артиллерийских (в том числе реактивных и минометных) и ракетных частей и соединений. Если говорить о высшем уровне, то в каждой армии была своя ракетная бригада и плюс несколько ракетных бригад, а также одна-две артиллерийские дивизии окружного (группового) подчинения. И четко надо организовать у них учебу, боевую подготовку, чтобы на общевойсковых учениях, особенно с боевой стрельбой артиллерии, можно было бы получать результаты, нужные для реального боя. Мало того, надо было вести научную работу (в том числе через артиллерийскую академию) и иметь тесную связь с промышленностью и военными учеными, чтобы наша артиллерия и ракетные войска своевременно получали все необходимое.

И все это Владимир Михайлович со своим штабом обеспечивал безукоризненно. Он даже находил время, чтобы приехать в Афганистан, где бывал у нас на боевых действиях. Толковый военачальник. Не знаю его как политика, хотя мы с ним знакомы 25 лет. Дело в том, что и Михалкин, и в еще большей степени Ахромеев имели прямое отношение к уникальному ракетному комплексу оперативно-тактического значения «Ока». В нарушение всех положений договора о сокращении ракет меньшей и средней дальности комплекс был незаконно включен в число уничтожаемых. Но оба этих военачальника позже заявляли, что они были против. Однако ущерб стране нанесен огромный. Выходит, протестовать можно категорически и во всеуслышание, но можно протестовать и так, чтобы никто не обиделся, особенно высокий начальник.

Генерал-полковник Юрий Тимофеевич Чесноков – начальник войск ПВО Сухопутных войск. Структура этих войск такая же, как и у артиллеристов и ракетчиков, но зенитно-ракетные комплексы спускаются еще ниже, то есть в мотострелковые роты, если говорить о носимых зенитно-ракетных комплексах разового действия типа «Стрела» или «Игла». То есть всё и все в Сухопутных войсках готовы вести самую активную борьбу с любыми самолетами и вертолетами противника. От «Стрелы» и «Тунгуски» и до С-300. Все это плюс стрелковое оружие и автоматические пушки на БМП готовы были отразить любую атаку с воздуха. Нам всем про-

сто повезло, что ученые и военная промышленность оснастили нас уникальными средствами ПВО, а военные училища смогли организовать высококлассное освоение этого супервооружения, которого до сих пор нет у американцев. Генерал-полковник Ю.Т. Чесноков был прекрасным военачальником.

Генерал-полковник Виталий Егорович Павлов – заместитель главнокомандующего по армейской авиации, Герой Советского Союза – это звание он получил за Афганистан. Толковый, честный и очень работоспособный начальник. Под стать ему был штаб армейской авиации. Скажу честно, рождался этот новый род Сухопутных войск на моих глазах. Тяжелое это дело, тем более если приходится решать такую задачу параллельно с выводом наших войск из Восточной Европы и Монголии, заниматься сокращением обычных вооружений и войск, а также участвовать в проведении мероприятий по наведению порядка в горячих точках (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). Это просто судьба, что командовать армейской авиацией доверили генералу Павлову. Он сам лично и его самоотверженный коллектив сделали все, чтобы через год забилося сердце этой авиации. Вначале было несколько десятков вертолетных полков. Затем мыслилось иметь полки штурмовиков. В начале августа 1991 года, взяв за основу аэродром Броды, мы провели на базе Прикарпатского военного округа установочные сборы для командования всех полков армейской авиации. Было продемонстрировано, как организуется жизнь, быт и боевая деятельность вертолетного полка, поддержание высокой боевой готовности и участие его в общевойсковом учении с боевой стрельбой. Это было, так сказать, крещение. И все прошло отлично.

Жаль, что рухнула страна, а с нею и Вооруженные Силы, и Сухопутные войска превратились в мираж. Но важно, что надежда и вера живы, а также есть люди типа В. Павлова, которые смогут поднять все из руин.

Генерал-полковник Павел Иванович Баженов – заместитель главнокомандующего по вооружению. Учítывая, что еще существуют самостоятельно главные бронетанковое, автомобильное и ракетно-артиллерийское управления с прямым подчинением и главному, и министру обороны, то роль заместителя главкома по вооружению заключалась в координации действий этих управлений, слежении за прохождением заказов в промышленность и за выполнением в руководстве научно-техническим комитетом (который, кстати, действовал весьма плодотворно), наконец, в контроле выполнения войсками директив министра, Генштаба и Главнокомандующего Сухопутными войсками по соответствующим разделам. Будучи по природе умным человеком, Павел Иванович во имя дела умел найти контакт с любым начальником, любым работником, даже с теми, кого мы относили к числу непримиримых и несговорчивых. Это возвышало его в наших глазах.

Но годы идут, настало время, и на смену пришел теперь уже генерал-полковник Сергей Александрович Маев – «афганец». Прошел в Афганистане, как и многие, огни, воды и медные трубы. Если говорить о медных трубах, то мы в 1988 году в Кабуле отмечали присвоение ему первого генеральского звания. Все задачи Сергею Александровичу были ясны, человек он контактный, поэтому с коллективом сразу сложились нормальные отношения. А на плечи ему свалилась тяжелая ноша. Но он вытянул свой воз. А когда в Вооруженных Силах пошли реорганизации, он возглавил объединенное Главное автобронетанковое управление.

Генерал-полковник Александр Александрович Галкин. Сегодня он депутат Государственной думы Федерального собрания РФ (как и Э.А. Воробьев), а в то время успешно руководил бронетанковой службой. Танков у него было больше всех в мире, к тому же он имел уникальный музей бронетанковой техники, какого ни у кого в мире тоже нет. У Галкина были отличные контакты со всеми конструкторскими бюро, со всеми танковыми и другими заводами. Поэтому все вопросы решались оперативно, без тяжелых проблем, хотя вопросов, конечно, возникало много, да и служба была непростая.

Генерал-полковник Василий Федорович Попов – начальник автомобильной службы Вооруженных Сил. Фактически он обеспечивал все виды Вооруженных Сил, все рода войск и службы, весь тыл и строителей. Эта служба подчинялась министру обороны, но, учитывая, что она в коллегиях не входила, мы ввели генерала Попова в состав Военного совета Сухопутных войск. Василий Федорович личность уникальная. Мне довелось с ним успешно решать задачи в Прикарпатском военном округе, а когда он возглавил автомобильную службу Вооруженных Сил, то, естественно, это было большим приобретением. Войска и силы флота обеспечивались своевременно и в полном объеме всеми видами автомобилей, что создавало условия для поддержания высокой боеготовности. Многие автозаводы выпускали и бронетранспортеры – Василий Федорович здесь тоже не отставал. Учитывая, что уборка урожая каждый год становилась целой эпопеей в жизни страны, В.Ф. Попов капитально занимался обеспечением перевозок хлеба, другой сельскохозяйственной продукции автотранспортом Вооруженных Сил. С ним всегда можно было решить любую проблему.

Генерал-полковник Михаил Егорович Пенкин – начальник Главного ракетно-артиллерийского управления. «Щупальца» этого громадного управления пронизали весь наш военно-промышленный комплекс. Практически заказы всех вооружений в области стрелкового оружия, артиллерии (в том числе реактивной), ракетных войск, войск ПВО, разведки, разведывательно-ударных комплексов – все шло через это управление. Поэтому и объем, и многогранность работ, несомненно, накладывали отпечаток на работу всех, в том числе и начальника. Надо отдать должное, Михаил Егорович ворочал этой махиной умело, и наши войска своевременно и в достаточном количестве имели необходимое вооружение и должные к ним запасы. А ремонтные заводы всегда перевыполняли планы. Склады и арсеналы по всей стране построены были таким образом, что на любое стратегическое направление можно было в короткие сроки подать все необходимое. Нужные выводы были сделаны из Афганской войны. Однако большие проблемы возникли у М.Е. Пенкина, когда подняли голову различные экстремистские силы. Надо было обеспечить сохранность всего того, что мы имели и на что покушались экстремистские группировки. Вообще-то это были уже не только его проблемы, а всей нашей армии.

Генерал-полковник Владимир Павлович Кузнецов – начальник инженерных войск – был достойной сменой маршалу инженерных войск С.Х. Оганову. Он не только прекрасно продолжал традиции этих войск, но и шагнул далеко вперед в обеспечении операций и боевых действий войск. Естественно, многое было взято из опыта войны в Афганистане. С учетом достижений, а также в целях изучения взглядов на перспективу Владимир Павлович летом 1990 года на базе Киевского военного округа подготовил и умело провел специальные сборы, на которых присутствовал весь руководящий состав инженерных войск Вооруженных Сил. Оценки и выводы этих сборов легли в основу дальнейшего развития инженерных войск и наших заказов в промышленность.

Генерал-полковник Станислав Вениаминович Петров – начальник службы химической защиты. На первый взгляд вроде особого беспокойства она не должна составлять, но на самом деле это не так. И развитие всех ее направлений, начиная от специальной радиационной, химической и бактериологической разведок, и разработка средств защиты, методов применения этих средств и способов действий войск – все требует большого внимания и усилий. Особое место занимали и занимают химические боеприпасы, созданные накануне и в ходе Второй мировой войны, которые подлежат уничтожению. Это проблема из проблем. Она существовала и в конце 1980-х годов, не снята с повестки дня и сейчас, что, естественно, составляет большой раздел деятельности Станислава Вениаминовича. Меня одно только удивляет: не слишком ли сам он ударился в строительство церквушек, часовенок? Черномырдин тоже построил у себя на родине, в оренбургском селе, храм (спрашивается: откуда лично у него такие огромные деньги?), но страна от этого не стала жить лучше – ее как обворовывали с

помощью Черномырдина, так и обворовывают. Но это замечание так, между прочим. В целом же генерал С.В. Петров достойный начальник.

Генерал-полковник Степан Харенович Аракелян – начальник вновь созданного Центрального дорожно-строительного управления. И сам генерал, и его управление, да и подавляющее число офицеров и солдат – выходцы в основном из инженерных и строительных войск. К земле они приросли еще раньше. Это для них родная область. Но само рождение этих войск, конечно, было колоссальной проблемой.

Решение по их созданию было принято на уровне правительства СССР. Цель – максимально развить дорожную сеть в районах европейской части Советского Союза, которые крайне в этом нуждаются. Под эту программу подпадали в основном районы Нечерноземья и те, что ближе к северу. Было образовано три дорожных корпуса. В каждый из них входило несколько дорожно-строительных бригад, которые, располагаясь побатальонно, «накрывали» большие районы и строили дороги параллельно во многих точках. Между прочим, у нас в этой области все делалось параллельно: создавались строительные части и подразделения, разрабатывались для них (еще не созданных) планы строительства дорог, подбирались кадры, строились временки – дома для офицеров и бараки для солдат, создавались элементарные условия для быта, забрасывались продукты, горючее и одежда, подавалась необходимая техника, разыскивались необходимые материалы. Правда, все это финансировалось через пень-колоду.

И куда только не сунешься с этими проблемами – везде стараются переложить их на другую инстанцию. Лишь некоторые областные и районные органы на местах с пониманием подходили к этим вопросам и кое в чем помогали. И только напор Военного совета нашего Главкомата и в первую очередь непоколебимая настойчивость генерала Аракеляна и его управления помогли нам все-таки встать на ноги и уже в 1990 году докладывать о первых построенных десятках, а затем сотнях километров дорог. Дорожная служба стала жить, прокладывая дороги, хотя условия работы были очень тяжелые. Бывая в тех краях, где по топям, болотам, лесам и скалам пробивались наши дорожники, наблюдая их самоотверженный труд в тяжелейших природно-климатических условиях, при отсутствии элементарных бытовых условий, а также понимая, что вот так, сразу, прямо я ничего им дать не могу, я тяжело переживал это и старался создать им обстановку потеплее.

Дорожная служба немало сделала для улучшения жизни многих районов страны. Жаль, что правительство и в прошлом, и в настоящем недооценивает эту силу. Генерал-полковник Иван Дмитриевич Марчук, который продолжил начатое дело, безусловно, должен иметь всестороннюю поддержку свыше. Ведь без дорог не будет жизни.

Вот, уважаемый читатель, я представил всех членов Военного совета Главкомата Сухопутных войск с весьма кратким описанием. В целом совет разбирал все важнейшие жизненные проблемы. Он не плелся в хвосте и на обочине событий. Наоборот, всегда находился в центре. Вот почему, наблюдая безучастное отношение руководства страны к судьбе Вооруженных Сил, мы приняли решение обратиться к съезду народных депутатов, в котором была изложена вся трагичность состояния войск с учетом их вывода из Восточной Европы и Монголии на неподготовленные места (фактически в поле).

Благодаря активному участию в политической жизни страны мне приходилось встречаться не только с военнослужащими, но и с избирателями. Конечно, вскрывал недостатки, ничего не утаивал, но когда заходила речь о мерах и о тех, кто обязан был устранять весь негатив, приходилось маневрировать – большую долю вины брал, конечно, на себя и умеренную часть относил к начальникам, которые якобы обещали что-то сделать, исправить положение и т. д. Тогда ведь никто еще не мог даже представить, что Горбачев ведет страну к катастрофе осознанно, что он предатель.

Мое выступление на Главном военном совете, на съезде народных депутатов, позиция в Военном совете и заявление Военного совета Главного командования Сухопутных войск на

съезде народных депутатов, очевидно, подчеркнули мою левую позицию. Поэтому однажды мне позвонил один из секретарей ЦК Компартии РСФСР Геннадий Андреевич Зюганов, и мы договорились о встрече. Он подъехал к нам в штаб, и мы вдвоем вначале обсудили обстановку – наши взгляды совпали. Затем Геннадий Андреевич сказал, что группа товарищей намерена сделать обращение к народу с описанием сложившейся ситуации и призывом не дать черным силам развалить страну. Раньше мы с Геннадием Андреевичем не встречались, но я уже питал к нему уважение в связи со статьей «Архитектор у развалин», помещенной в газете «Советская Россия». Статья была зубодробительной и посвящалась Яковлеву, под началом которого когда-то работал Зюганов и знал его, конечно, как облупленного, но, по сути, открыто наносился удар Горбачеву. Был четко и ясно показан горе-архитектор, который, претворив свое детище в жизнь, оказался сам и все ему поверившие не в раю и новом светлом доме, а у развалин.

Между тем положение в стране все более ухудшалось. Так родилась идея выступить с обращением к народу, призвать его спасти страну. Эта идея была воплощена в обращении «Слово к народу». Автором первого варианта текста «Слова» был Валентин Распутин. В работе над ним приняли участие Александр Проханов, Юрий Бондарев, Геннадий Зюганов и все остальные подписанты. Скажу откровенно, что работа над «Словом» была весьма кропотливой. Мы, военные, сделали все, чтобы оборонная проблематика тоже была доведена до народа. На июльском Пленуме ЦК КПСС состоялось обсуждение «Слова», и кое-кто из «стаи борзых» Яковлева попытался оклеветать и это обращение, и некоторых его авторов. Но им капитально врезали честные члены ЦК.

И сегодня нельзя без волнения читать «Слово к народу». Не только потому, что оно было пророческим, но и потому, что, получив всенародную поддержку, это «Слово» на удивление не выявило в народе организаторов практических действий. Так же как в последующем и «Обращение к народу» Государственного комитета по чрезвычайному положению тоже не нашло практического претворения...

Но историческое «Слово к народу» заслуживает, чтобы читатель внимательно прочитал его еще раз:

СЛОВО К НАРОДУ

Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники!

Случилось огромное небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данная нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И эта гибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии. Неужели окаменели наши сердца и души и нет ни в ком из нас мощи, отваги, любви к Отечеству, что двигала нашими дедами и отцами, положившими жизнь за Родину на полях брани и в мрачных застенках, в великих трудах и борениях, сложившими из молитв, тягот и откровений державу, для коих Родина, государство были высшими святынями жизни?

Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые правители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего – обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всесильных соседей? Как случилось, что мы на своих оглушающих митингах, в своем раздражении и нетерпении истосковались по переменам, желая для страны процветания, допустили к власти не любящих эту страну, раболепствующих перед заморскими покровителями, там, за морем, ищущих совета и благословения?

Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырех углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Неужели допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится стеновой хребет России?

Обращаемся к вам со словами предельной ответственности, обращаемся к представителям всех профессий и сословий, всех идеологий и верований, всех партий и движений, для коих различия наши – ничто перед нашей общей бедой и болью, перед общей любовью к Родине, которую видим единой, неделимой, сплотившей братские народы в могучее государство, без которого нет нам бытия под солнцем.

Очнемся, опомнимся, встанем и стар и млад за страну. Скажем «Нет!» губителям и захватчикам. Положим предел нашему отступлению на последнем рубеже сопротивления.

Мы начинаем всенародное движение, призывая в наши ряды тех, кто распознал страшную напасть, случившуюся со страной.

Мы зовем к себе рабочий люд, которому нынешние фарисеи обещали изобилие и заработки, а теперь изгоняют с заводов и шахт, обрекают на голод, бесправие, на унылое стояние в очередях за пособием, ломтем хлеба, за милостыней богачей и хозяев.

Мы зовем к себе трудолюбивых крестьян, измотанных невежественной властью, чьи нынешние судьбы решают вчерашние разрушители деревень и творцы утопических программ, навязывая хлебоборобу кабальный обмен, обрекая на запустение пашню, на истребление уцелевших, кормящих страну хозяйств.

Мы взываем к инженерам, чьим талантом, умом и руками были созданы уникальная техническая цивилизация, мощная индустрия, обеспечившая благополучие и защиту народа, позволившая Родине взлететь в космос. Техника, которая, устав работать, нуждалась в модернизации и обновлении, за шесть лет безделья и разглагольствований остановилась и рухнула, и теперь мы – страна остановленных предприятий, умолкнувшей энергетики, исчезнувших товаров, растерянных, обнищавших инженеров, отлученных от творчества.

Мы взываем к ученым, достойно продвигавшим развитие отечественной науки, изумлявшим мир плодами своих трудов, накопившим в лабораториях и институтах открытия для следующего рывка в двадцать первый век, где мы надеялись на достойное место в человеческой цивилизации. Вместо этого демагоги и злоумышленники разоряют драгоценные накопления, рассыпают коллективы исследователей ядерных технологий, новейшей химии, обрекая лучшие умы на прозябание, на бегство из родных пределов в преуспевающие страны, где их талант станет питать не свое, а чужое развитие.

Мы устремляем свой голос к армии, снискавшей уважение человечества за самоотверженный подвиг спасения Европы от гитлеровской чумы, к армии, унаследовавшей лучшие качества русского, советского воинства и противостоящей агрессивным силам. Нелегкие времена переживают наши защитники. Не вина армии, что она вынуждена поспешно покидать зарубежные гарнизоны, быть объектом беспардонных политических спекуляций, подвергаться постоянным атакам лжи и очернительства безответственных политиков. Но никому не удастся превратить Вооруженные Силы в аморфную массу, разложить изнутри, предать осквернению. Мы убеждены, что воины армии и флота, верные своему долгу, не допустят братоубийственной войны, разрушения Отечества, выступят надежным гарантом безопасности и оплотом всех здоровых сил общества.

Мы устремляем свой голос к художникам и писателям, по крохам создававшим культуру на развалинах разгромленной классики, добывавшим для народа образы красоты и добра, ожидавшим в будущем расцвета искусств, а обретших нищету, низведение творчества до жалкого фарса на потеху коммерсантов и богачей, когда народ, отлученный от духа, лишенный идеала, управляемый безнравственными лукавцами, выводится из истории, превращается в дешевую рабочую силу для иностранных фабрикантов.

Мы обращаемся к Православной церкви, прошедшей Голгофу, медленно после всех избиений встающей из гроба. Она, чей духовный свет сиял в русской истории даже во времена мрака, сегодня еще не окрепшая, терзается распрями, ущемляется в епархиях и приходах, не

находит достойной опоры в сильной державной власти. Пусть она услышит взывающий к спасению глас народа.

Мы обращаемся к мусульманам, буддистам, протестантам, верующим всех направлений, для которых вера есть синоним красоты, добра и истины; на них сегодня наступают жестокость, уродство и ложь, губящие душу живую.

Мы обращаемся к партиям, большим и малым, к либералам и монархистам, к централистам и земцам, к певцам национальной идеи. Мы обращаемся к партии – коммунистической, которая несет всю ответственность не только за победы и провалы предшествующих семидесяти лет, но и за шесть последних трагических, в которых компартия сначала вела страну, а потом отказалась от власти, отдав эту власть легкомысленным и неумелым парламентариям, рассорившим нас друг с другом, наплодившим тысячи мертворожденных законов, из коих живы лишь те, что отдают народ в кабалу, делят на части измученное тело страны. Коммунисты, чью партию разрушают их собственные вожди, побросав партбилеты, один за другим мчатся в лагерь противника – предают, изменяют, требуют для недавних товарищей виселицы, – пусть коммунисты услышат наш зов!

Молодежь, наша надежда и цвет, которую растлевают, отдав в услужение ложным кумирам, обрекают на безделье, бездарность, наркотики и преступность.

Старики, наша мудрость и гордость, безотказные труженики и неустанные кормильцы, получившие в удел нищенство и надругание над прожитым, осквернение печатным и телевизионным варевом тех, кто добивается умерщвления памяти, противопоставления поколений.

Молодые ветераны, воины-интернационалисты, проявившие самоотверженность и гуманизм, высокие нравственные качества, но поставленные в положение без вины виноватых.

Женщины, отказывающие себе в высшем природном праве – продлевать в потомстве род из-за страха плодить нищету, пополнять солдатами армию гражданской войны, пугающиеся своей любви и своего материнства...

Все, кто ни есть в городах и селениях, в степях и лесах, у кромки великих, омывающих страну океанов, – очнемся, встанем для единения и отпора губителям Родины!

Начнем с этой минуты путь ко спасению государства. Создадим народно-патриотическое движение, где каждый, обладая своей волей и влиянием, соединится во имя высшей цели – спасения отчизны.

Сплотимся же, чтобы остановить цепную реакцию губительного распада государства, экономики, личности; чтобы содействовать укреплению Советской власти, превращению ее в подлинно народную, а не в кормушку для алчущих нуворишей, готовых распродать все и вся ради своих ненасытных appetitov; чтобы не дать разбушеваться занимающемуся пожару межнациональной розни и гражданской войны.

Не пожалеем сил для осуществления таких реформ, которые способны преодолеть невыносимое отчуждение человека от власти труда, собственности, культуры, создать ему достойные условия жизни и самовыражения. Окажем энергичную поддержку прогрессивным новациям, нацеленным на то, чтобы продвигать наше общество вперед, достигнуть современных высот научно-технического прогресса, раскрепостить умы и энергию людей, чтобы каждый мог жить по труду, совести и справедливости. И мы будем выступать против таких проектов, которые тащат страну назад, во мрак Средневековья, туда, где культ денег, силы, жестокости, похоти.

Наше движение – для тех, кому чужд разрушительный зуд, кто горит желанием созидать, обустроить наш общий дом, чтобы жили в нем дружно, уютно и счастливо каждый народ, большой и малый, каждый человек, и стар и млад.

Не время тешить себя иллюзиями, беспечно надеясь на прозорливость новоявленных мессий, с легкостью необыкновенной сулящих нам то одну, то другую панацею от всех бед. Пора отряхнуть оцепенение, сообща и всенародно искать выход из нынешнего тупика. Среди

россиян есть государственные мужи, готовые повести страну в неунизительное суверенное будущее. Есть знатоки экономики, способные восстановить производство. Есть мыслители, творцы духа, прозревающие общенародный идеал.

Советский Союз – наш дом и оплот, построенный великими усилиями всех народов и наций, спасший нас от позора и рабства в годы черных нашествий! Россия – единственная, ненаглядная! – она взывает о помощи.

*Юрий Бондарев, Юрий Блохин, Валентин Варенников,
Эдуард Володин, Борис Громов, Геннадий Зюганов,
Вячеслав Клыков, Александр Проханов, Валентин Распутин,
Василий Стародубцев, Александр Тизяков.*

Мне хотелось бы обратить особое внимание читателя на поразительное сходство сути «Слова к народу» с содержанием выступления Ельцина в Доме кино. Тогда же, в июле месяце, он со своими соратниками организовал встречу единомышленников в Доме кино для обсуждения политического момента. Лично его выступление фактически все было посвящено одному Горбачеву. Если до этого у Ельцина были какие-то факторы, которые (хотя «война» между ними шла с 1987 года) сдерживали его от открытых выпадов против Горбачева, то после того, как Ельцина избрали президентом России, – все преграды рухнули, он перестал «стесняться» и стал позволять себе в отношении Горбачева абсолютно все. Ельцин прямо говорил, что Горбачев разорил страну, предал свой народ, сделал его нищим, разорил экономику, по всей стране разжег межнациональные конфликты, кругом беженцы, кровь и смерть. Люди страдают. Стоя на трибуне и засучив рукава, Ельцин говорил: хватит Горбачева терпеть, пришло время, когда надо его наконец гнать.

Конечно, Ельциным двигала патологическая неприязнь к Горбачеву и жажда личной, бесконтрольной власти, хотя его критика Горбачева объективно отражала существо дела. Горбачев был предатель.

Но парадокс заключался в том, что Ельцин принял от него эстафету предательства и довершил в Беловежье то, что начал «лучший немец». А потому в истории они всегда будут стоять рядом, как главные разрушители нашей единой страны и предатели своего народа.

Глава 3

Коллегия министерства обороны СССР

О министре обороны и ближайших его соратниках. – О заместителях министра обороны, в том числе главкомах видов ВС. – Молодая струя в коллегии Министерства обороны. – Стычки министра обороны с командующими. – Горбачев приближает к себе начальника Генштаба. – Научно-практическая конференция обнажила ошибочность взглядов Генштаба. – Мое заявление о предстоящем крахе Варшавского договора и реакция коллегии Министерства обороны

В мою бытность Главкомандующим Сухопутными войсками министром обороны СССР был генерал армии, а затем Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов. Это опытный и высоко подготовленный офицер. Участник Великой Отечественной войны. Имеет ранение, награды за войну. Так сложились обстоятельства, что на определенном этапе мы служили с ним в Ленинградском военном округе: он был начальником отдела в Управлении боевой подготовки – после того, как откомандовал отдельной мотострелковой бригадой на Кубе, а я – командиром 54-й мотострелковой дивизии, которая дислоцировалась в заполярном городе Кандалакше, что на юге Кольского полуострова. С этих должностей нас направили учиться в Военную академию Генерального штаба, где мы познакомились очень близко – были в одной группе. Характерной чертой слушателей нашей группы (может, за исключением двух человек) была исключительно самостоятельность в мышлении и способность обосновывать и отстаивать свое решение. К этой категории относится и Дмитрий Тимофеевич Язов. По окончании академии он успешно командовал дивизией в Забайкальском военном округе, причем отлично ее обустроил, создал прекрасные условия жизни для офицеров и их семей. Как мы подшучивали позже, не изменил только климат. А климат в Забайкалье фактически самый суровый. Непроста царь сослал декабристов на каторгу именно туда.

Затем он командовал корпусом и армией, но в уже более благоприятных условиях. По семейным обстоятельствам работал некоторое время в центральном аппарате (начальником Первого управления в Главном управлении кадров). Затем его послужной список выглядит так: первый заместитель командующего Дальневосточным военным округом, командующий Центральной группой войск, командующий войсками Средне-Азиатского военного округа и, наконец, командующий войсками Дальневосточного военного округа.

Думаю, не только военный, но и гражданский человек проникнется уважением к одному только перечню районов, где служил Д.Т. Язов. А если к этому добавить, что свой долг он везде исполнял с достоинством, то, конечно, такой человек заслуживает большого уважения.

Приблизительно через год своего пребывания в должности Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачев посетил Дальний Восток – с 25 по 31 июля 1986 года. Кроме решения других вопросов, 29 июля он посетил войска Дальневосточного военного округа, которыми остался доволен. Естественно, близко познакомился и с командующим войсками генералом армии Д.Т. Язовым, и они друг другу приглянулись. Дело в том, что у нас в стране тогда многое связывали с новым главой государства. Военные – тоже, в том числе и Язов. Неудивительно, что Горбачеву были оказаны почести не просто как генсеку, но и как восходящей звезде. Поскольку Дмитрий Тимофеевич – человек уважительный и обходительный, то это, несомненно, произвело должное впечатление и на самого Горбачева, и на ближайшее его окружение.

Вскоре Д.Т. Язов назначается заместителем министра обороны – начальником Главного управления кадров. Никто этому не удивился – Дмитрий Тимофеевич, на мой взгляд, лучше всех подходил на эту должность, так как прослужил везде – от крайнего запада до крайнего востока, хорошо знал условия и обстановку во всех районах. Кроме того, уже имел опыт работы в кадрах. Но в должности начальника Главного управления кадров он пребывал недолго –

события с Рустом на Красной площади явились формальной причиной отстранения от должности министра обороны СССР маршала С.Л. Соколова и руководителей ПВО страны. Вместо Соколова назначается Язов. Вот это в наших кругах, конечно, уже связывали с визитом Горбачева на Дальний Восток. Ведь были военачальники, которые по опыту, заслугам и способностям имели все шансы стать кандидатами на этот пост. Тем более что они уже поднаторели в работе в центральном аппарате, в составе коллегии Министерства обороны или в должности главнокомандующих стратегического направления. Например, генерал армии Н.М. Третьяк, генерал армии Е.Ф. Ивановский – Главнокомандующий Сухопутными войсками, маршал В.Г. Куликов, наконец, главный претендент на этот пост – маршал С.Ф. Ахромеев. В бытность Д.Ф. Устинова этот вопрос обсуждался открыто, и Устинов не скрывал своих намерений в отношении Ахромеева как преемника.

Однако был назначен Д.Т. Язов. В этих условиях каждый считал своим долгом всячески помогать новому министру обороны, дабы тем самым внести вклад в развитие Вооруженных Сил. Так все и действовали. Отношения между Горбачевым и Язовым были достаточно хорошими, и мы считали, что это надо использовать в интересах обороны страны. Однако наши расчеты не оправдались. Горбачев решил эти отношения использовать для ущемления интересов военных и обороны в целом.

Дело прошлое, но мы немало пережили, сочувствуя Дмитрию Тимофеевичу в том, что Горбачев долго «выдерживал» его и не присваивал звания маршала. Уж кто-кто, а министр обороны, конечно, должен иметь это звание. Ведь в этом проявлялось и отношение к Вооруженным Силам.

Однако Дмитрию Тимофеевичу мы даже не делали намеков относительно того, что по некоторым вопросам надо бы оказать давление на Горбачева. До получения им высшего воинского звания не хотели ставить его в сложное положение. Однако и став маршалом, Дмитрий Тимофеевич, на наш взгляд, продолжал действовать по отработанной схеме и инерции. Мы понимали, что сразу не перестроишься, нужно время. Мы ждали. А события показывали, что Горбачев в отношении к Вооруженным Силам и военно-промышленному комплексу совершенно не намерен был что-то изменять к лучшему, между тем уже начались столкновения между министром обороны и командующими войсками военных округов.

Так, на одном из совещаний зашла речь об оценке ситуации в стране в целом и в Вооруженных Силах в частности. Как я понял, Д.Т. Язов в конце одного из совещаний хотел неофициально, «по душам» поговорить с командующими, членами Военного совета, начальниками штабов военных округов и флотов. И вот тут командующий войсками Приволжско-Уральского военного округа А.М. Макашов задал Д.Т. Язову вопрос:

– Товарищ министр обороны, почему Верховный главнокомандующий не встречается с нами?

– Потому что он занят, – коротко ответил тот.

– Выходит, для других вопросов у него время есть, а для Вооруженных Сил – нет? – не унимался Макашов.

– Да, пока он встретиться не может, – так же сухо и коротко отвечивал Язов.

– Но ведь он нам еще 18 октября прошлого года обещал встречаться два раза в год! – настаивал А.М. Макашов. – Пошел уже второй год, но ни одной встречи не было.

– Еще раз повторяю – у него нет времени.

– Зачем же он тогда обещал? Надо потребовать от него.

– Макашов, если ты и дальше будешь продолжать в этом духе, то я тебя выгоню с совещания, как лейтенанта! – взорвался Язов. – У кого еще есть вопросы?

Какие могут быть вопросы в этой ситуации? Конечно, разговора не получилось. Концовка была скомкана. Ненужная вспышка Язова и его грубое обращение к Макашову оставили у каждого тяжелый осадок, поскольку всем стало ясно, на чьей стороне министр обороны. Это

никуда не годилось! Меня подмывало ввязаться в эту историю. Но Язов неожиданно объявил, что совещание окончено, все свободны. Расходились молча. Кое-кто сердито ворчал.

Было ясно, что положение надо поправлять. Этим мы и занимались. Но все дело в том, что в личных беседах Дмитрий Тимофеевич делал выводы и обещал, что он передаст Верховному наши вопросы и озабоченность состоянием дел в армии и на флоте, а потом заверил, что якобы Горбачев все воспринимает правильно и намерен принять меры. Фактически же никаких мер, никаких действий не было, обстановка ухудшалась. Особенно нас беспокоило отсутствие в новых пунктах дислокации материальной базы для выводимых войск и сверхвысокие темпы вывода. Тревожили сепаратизм и межнациональные конфликты в республиках и воровство оружия, свободное присутствие американских советников в руководстве республик (особенно в Прибалтике, а у Ландсбергиса в Вильнюсе это делалось даже вызывающе), ухудшение положения военно-промышленного комплекса, отсутствие мер со стороны руководства страны (но если же меры принимались Москвой, то во вред Вооруженным Силам).

Конечно, у нас не было никаких оснований не верить Дмитрию Тимофеевичу Язову, что он докладывал Горбачеву. Но вот о том, каким образом это докладывалось, у нас были разные мнения. В основном мы склонялись к тому, что тон докладов и просьб носил либерально-просительный характер. Отсюда и все последствия.

Теперь – о других членах коллегии Министерства обороны и кратко о характере каждого.

Первый заместитель министра обороны – генерал армии Константин Алексеевич Кочетов. Полтора десятка лет назад он прибыл в Прикарпатский военный округ командовать 24-й Железной дивизией. Командовал прекрасно. Отсюда он быстро пошел вверх и дослужился до командующего Южной группой войск, командующего войсками Закавказского, а затем Московского военного округов.

Везде служба шла весьма успешно, и поэтому выдвижение на должность первого заместителя министра было вполне естественным. Дело прошлое, но из всех замов и кандидатов на пост министра обороны я отдал бы предпочтение именно Кочетову (разумеется, когда Язов должен был бы уйти в отставку). Прекрасно подготовлен. Хорошо организован. Единственное, что можно было пожелать ему, – еще больше уделять внимания солдатам и особенно офицерам, их жизни и быту. Правда, у меня неприятный осадок оставил наш последний с ним разговор на ходу в Генштабе 22 августа 1991 года, после совещания у генерала армии Моисеева, который был оставлен за министра обороны (Д.Т. Язова Горбачев посадил). Точнее, это был даже не разговор, а всего лишь его, Кочетова, реплика:

– Как же вы, дожив до седых усов, вляпались в эту историю? Ну, то, что они все – Язов и другие, – это понятно. Но вы же разумный человек! И вдруг оказались среди них...

И далее прогнозировал, сколько лет отсидки мне могут дать.

А я слушал и думал: чему же я тебя учил? Видно, мало я уделял внимания тому, чтобы офицеры глубоко осознавали, что Вооруженные Силы созданы во имя народа и обязаны защищать его государственные интересы. Я не мог поверить, что такие умные офицеры, как Кочетов, даже без моего своевременного внушения, заблуждались и не видели, что идет развал Советского Союза...

Армия, безусловно, не могла стоять в стороне от политических событий. Но министру обороны в те августовские дни нужна была поддержка коллегии Министерства обороны. А вместо этого коллегия, по инициативе главкома ВВС Шапошникова, организовала обструкцию министру. И опять в нужный момент я отсутствовал – Язов послал меня к Г.И. Янаеву на заседание ГКЧП в Кремль, а сам решил провести заседание коллегии, совершенно не уделив внимания его подготовке.

Надо было не призывать – «спасайся, кто может», думать не о том, как выпутаться из этой истории, а о том, как спасти страну. Вот сюда взоры коллегии Министерства обороны не повернулись. Все поддались авантюристам типа Шапошникова.

Жаль!

Начальник Генерального штаба – первый заместитель министра обороны генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев. Он командовал Дальневосточным военным округом после Язова. И когда Язов стал министром – сразу попросил Горбачева назначить начальником Генштаба М.А. Моисеева, поскольку С.Ф. Ахромеев пошел к Горбачеву советником. Вообще, это был прецедент – начальником Генерального штаба, как правило, назначали опытного командующего войсками военного округа (фронта) или одаренного, с огромным опытом работы в Генштабе, генерала. Михаил Алексеевич в должности командующего войсками пребывал недолго. Весь предыдущий его опыт, конечно, позволял Моисееву со знанием дела рассматривать многие вопросы в войсках. Что касается навыка работы в Генштабе – со временем придет все. М.А. Моисеев на посту начальника Генерального штаба в целом произвел положительное впечатление. Правда, со временем он стал уже больше обращать внимания на руководство страны (особенно на члена Политбюро секретаря ЦК Зайкова), чем на генштабовские заботы. Но, видно, «связи с центром» Генштабу были нужны. Однако мы все больше и больше чувствовали, что действия Генштаба не согласуются с министром обороны. А вскоре и министр обороны стал об этом поговаривать тоже.

В то же время сближение Моисеева с руководителями всех уровней было весьма эффективным. Как-то на торжественном приеме по случаю выпуска (1991) слушателей военных академий, по традиции проводившемся в Кремле, после официальной части, то есть выступлений руководителей и выпускников, состоялось небольшое застолье. Мы с Михаилом Алексеевичем, беседуя, отошли от центрального стола в сторону и завели разговор на будничную тему (торжество торжеством, а жизнь идет). Вдруг к нам подошел Горбачев и, обращаясь к Моисееву, говорит:

– Миша, – сказал он, положив при этом руку ему на плечо, – я думаю, что все твои предложения целесообразно обсудить в узком кругу.

– Я готов в любое время, – ответил Моисеев.

– Что ты готов – это хорошо, но надо еще определиться, с кем это обсуждать...

Чтобы не стеснять их в разговоре и не присутствовать при обсуждении вопросов, которые выходят за рамки моей компетенции, я деликатно отошел в сторону, уловив при этом взгляд Язова, который, находясь в кругу военных, поглядывал, разумеется, за Горбачевым.

Манера обращения Горбачева к Моисееву и его жесты окончательно меня привели к выводу о том, что между ними уже произошло полное сближение: демонстрировать все это прилюдно можно в условиях чуть ли не братства. Они продолжали стоять вдвоем, не обращая ни на кого внимания. Все это видели и, естественно, всё понимали. Что касается самой темы их разговора, то, я думаю, скорее всего, она касалась военных заказов. Главное же было – игра на публику. Важно было продемонстрировать: «Вот какая близость у генсека-президента с начальником Генштаба».

Теперь мне было ясно, почему Д.Т. Язов в канун действий ГКЧП вместо того, чтобы ввести М.А. Моисеева в курс дела, отправил его в отпуск. Видно, не доверял ему. Главкомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора – он же первый заместитель министра обороны СССР, Герой Советского Союза, генерал армии Петр Георгиевич Лушев. Это высокоподготовленный, с огромным опытом военачальник. Мы знали друг друга давно – с 1969 года: мне довелось командовать в Группе Советских войск в Германии 3-й Ударной армией, а генерал П.Г. Лушев был первым заместителем командующего армией. С тех пор у нас сложились отличные отношения на почве труда и добросовестного несения службы. Так нас и продвигали. Пока я после Прикарпатского военного округа тянул воз в Генеральном штабе, а потом в Афганистане, Петру Георгиевичу удалось покомандовать многими военными округами и в итоге заслуженно получить назначение на должность первого заместителя министра обороны. Кстати, он единственный из всех заместителей министра обороны, ничего не

боясь, посетил мою семью после моего ареста и выразил сочувствие в связи с горем, которое обрушилось на нас. Он и в последующем посещал и звонил, предлагая свои услуги. Были, конечно, и другие истинные друзья и товарищи. О них я еще скажу свое слово.

Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота, выступая одновременно в качестве отдела ЦК КПСС, занимало особое положение в общей военной иерархии. Вроде бы оно находилось в составе Министерства обороны, а вроде и нет. Во всяком случае, начальник Главпура был на уровне первого заместителя министра обороны.

До июля 1990 года это был генерал армии Алексей Дмитриевич Лизичев, а после – генерал-полковник Николай Иванович Шляга. Оба они были детьми своего времени и своей системы. Как привил им в свое время М. Суслов – ни вправо, ни влево от тезисов марксизма-ленинизма, так они и жали по цитатам, а А. Епишев строго следил за этим (чтобы и самому сохраниться). Правда, А. Лизичев был более раскован и бывал иной раз настроен демократично (в хорошем смысле). Н. Шляга был донельзя зашорен и смотрел, млея, на здание ЦК КПСС на Старой площади, как китаец на каменного Будду. Хотя оба они были хорошими, нормальными людьми, и у нас с ними были деловые отношения. Жаль только, что все политработники высшего звена в итоге перестройки не нашли правильного пути для политорганов и окончательно их загубили.

Заместитель министра обороны по вооружению генерал армии Виталий Михайлович Шабанов. В недалеком прошлом, до своего назначения, он был всего лишь подполковником авиации. Затем попал в поле зрения Устинова, благодаря которому в короткие сроки становится генерал-полковником, а вскоре и генералом армии. Никто не мог понять, почему человеку, который никакого представления не имеет о военной операции, присваивают звание генерала армии. Было бы понятно, если бы ему дали, допустим, маршала авиации (все-таки инженер-авиатор), а еще лучше – маршала инженерных войск. Но... «наверху виднее».

В общем, Виталий Михайлович услужливо выполнял поставленные задачи, никогда не вылезал с ненужными инициативами, всегда имел озабоченный вид. И хотя ему была поручена роль координатора, поскольку заказы промышленным предприятиям делали главнокомандующие, какого-либо напряжения вокруг себя он не создавал. У каждого из нас с ним были хорошие отношения. Он отличался воспитанностью, высокой культурой и желанием пофилософствовать (даже тогда, когда не было времени).

Начальник тыла – заместитель министра обороны по тылу генерал армии Владимир Михайлович Архипов. Скажу откровенно, мы не верили, что после многоопытного С. Куркоткина Архипов сможет решать задачи так же твердо и оперативно, как и его предшественники. Ничего подобного. Имея богатый опыт командования, в том числе и военным округом, обладая высокими знаниями и природным даром, В. Архипов управлял тылом значительно лучше их, хотя общая обстановка в стране и в Вооруженных Силах была значительно тяжелее.

Заместитель министра обороны по строительству и расквартированию войск генерал-полковник Николай Васильевич Чеков прошел суровую школу своих предшественников Комаровского, Геловани, Шестопалова. Его незаурядные способности помогли ему продолжить добрые традиции военных строителей. А они, наверное, в то время строили лучше всех других. Вот почему им поручали строить жилые дома для ЦК, санаторий «Южный» и резиденцию-дачу президента СССР в Форосе под Ялтой. Однако Чеков не успевал обеспечить вывод наших войск, и вот это было главной его проблемой.

Заместителем министра обороны по кадрам – начальником Главного управления кадров был до июля 1990 года генерал армии Дмитрий Семенович Сухоруков, а потом – генерал армии Виктор Федорович Ермаков. Оба они имели и высокую подготовку, и опыт, в том числе и командовали военными округами. Дмитрий Семенович к тому же командовал Воздушно-десантными войсками, а Виктор Федорович в свое время был командующим 40-й легендарной армией в Афганистане. Оба прекрасно вели свое дело. Дмитрий Семенович имел

к тому же слабость к десантникам, и это пристрастие отражалось на кадровой политике: если речь шла о десантнике, то он должен быть героем, быстрее продвигаться по службе и возможно быстрее получать звание генерала.

Главный инспектор Вооруженных Сил – заместитель министра обороны генерал армии Михаил Иванович Сорокин. За его плечами были и войны (кстати, в Афганистане был Главным военным советником), и мирная учеба, и крупные учения, и командование всеми категориями военной организации до военного округа включительно. Ровный, спокойный, всегда разберется и верно оценит, даст правильные рекомендации. А это для инспекции – все!

Начальник гражданской обороны СССР – заместитель министра обороны Герой Советского Союза генерал армии Владимир Леонидович Говоров. На первый взгляд гражданская оборона – дело туманное, сонное. На самом деле здесь дел не меньше, чем на производстве или в воинской части.

Скажу откровенно, что был рад, когда одно время начальником гражданской обороны страны сделали В.И. Чуйкова и подчинили А.Н. Косыгину. Дело тогда двинулось. Однако границы его все-таки были узки: разработка планов защиты предприятий и ликвидация последствий аварии, создание определенных аварийных команд и их тренировка, выделение необходимых сил, средств и резервов, создание систем управления и защищенных командных пунктов на всех уровнях и т. д. Но, по моему мнению, гражданской обороне должна быть отведена стратегическая роль. Ее руководство должно продумать и предложить правительству четкую организацию народного хозяйства (особенно военно-промышленного комплекса), которая бы исключила, к примеру, сборку самолета на десятках заводов, разбросанных по всей стране. Разве при современных способах ведения войны это рационально и возможно? Все должно быть максимально приближено к главному производству. Разумеется, противник попытается вывести все военные заводы из строя высокоточным оружием, но это уже другой вопрос.

Так что Владимиру Леонидовичу Говорову попался далеко не простой участок. А когда произошла авария на Чернобыльской АЭС, ведомству гражданской обороны работы прибавилось. И правильно, что со временем этот участок правительство опять замкнуло на себя и назвало его Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий – МЧС. Я рад, что Владимир Леонидович сохранил после Чернобыльской эпопеи силы и сейчас успешно руководит Российским комитетом ветеранов войны.

Председатель Государственной технической комиссии – заместитель министра обороны генерал армии Юрий Алексеевич Яшин. В прошлом ракетчик, технократ. Отлично знал электронику. Ясно представлял те стратегические направления, которые всегда являлись предметом особого внимания иностранных разведок, и наши ответные действия с целью полностью нейтрализовать их деятельность. Юрий Алексеевич тесно взаимодействовал с КГБ, другими специальными министерствами и задачи свои выполнял.

Отдельно хочется остановиться на главнокомандующих видами Вооруженных Сил – заместителях министра обороны. Если все остальные его заместители выполняли функции, обеспечивающие жизнедеятельность войск и флота, то главнокомандующие организовывали и развивали их деятельность, добиваясь совершенства.

Они обладали большой самостоятельностью в решении проблем обеспечения войск, передаче заказов в промышленность и даже совместном ведении НИОКРов. Выходящие в серийное производство объекты находились под контролем заводов-поставщиков (в войсках и на флоте были их постоянные представители, которые занимались доводкой, устраняли поломки, оперативно сообщали на завод, что надо делать).

РВСН, ПВО, ВВС и ВМФ имели свой тыл, поэтому еще и строили все необходимое для инфраструктуры. Сухопутные войска решали эти задачи непосредственно военными округами и группами войск.

В принципе любой вид Вооруженных Сил фактически представлял солидное самостоятельное министерство. Поэтому Министерство обороны правомерно рассматривать как министерство, объединяющее несколько министерств. Выше я представил структуру Военного совета Сухопутных войск. В него входят руководители многих главных управлений и начальников родов войск и служб. Конечно, далеко не все министерства имели такую насыщенную структуру.

Главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) Герой Советского Союза генерал армии Юрий Павлович Максимов. Мы вместе с ним служили на Севере. Он был командиром 77-й Гвардейской мотострелковой дивизии, входящей в корпус, которым довелось командовать мне. Дивизия была хорошая, командовал он уверенно. Потом возник вопрос о его поездке Главным военным советником в одну из африканских стран. Встретились мы с ним в Афганистане. А еще позже – будучи уже главкомами.

Юрий Павлович Максимов – творчески мыслящий человек, педант в хорошем смысле слова. Приняв на свои плечи РВСН – совершенно незнакомый, фактически новый для него вид Вооруженных Сил, Максимов максимально занялся изучением вооружения, методов управления и способов применения, тем более что его окружение было весьма компетентным. Но благодаря своим недюжинным способностям Ю.П. Максимов через несколько месяцев стал и среди ракетчиков-стратегов своим. В его бытность было создано много нового вооружения.

Главнокомандующим Сухопутными войсками до меня был генерал армии Евгений Филиппович Ивановский, с которым мы вместе служили в Группе Советских войск в Германии. Он был главнокомандующим группы, а я – первым заместителем главнокомандующего. Работа у нас спорилась, отношения были прекрасные, доверие – полное. В общем, лучше не придумаешь. Евгений Филиппович эти человеческие отношения сохранил и в Главкомате Сухопутных войск. Принимая от него дела, я почувствовал это и старался на протяжении тех лет, что были отведены мне на главное командование, поддерживать добрые традиции.

Главнокомандующий войсками противовоздушной обороны страны генерал армии Иван Моисеевич Третьяк. Это уникальный военачальник, и не только потому, что единственный в Вооруженных Силах имел звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Главное – он почти двадцать лет откомандовал военным округом! Это и счастье – столько лет командовать округом, однако это и великий труд. Тем более что Иван Моисеевич «вкалывал» капитально. После Дальневосточного военного округа он несколько лет командовал Дальневосточным стратегическим направлением. И наконец, в центральном аппарате стал главнокомандующим войсками ПВО, заместителем министра обороны. Мы в своем кругу подшучивали: мол, назначили на ПВО в связи с демонстрацией неприступности наших воздушных границ на примере южнокорейского «боинга».

За годы командования ПВО с участием Третьяка был создан целый ряд уникальных комплексов ПВО, которые по своим параметрам недостижимы для американцев даже сейчас. В целом И.М. Третьяк, на мой взгляд, относится к разряду тех военачальников, которые заслуживают особого внимания за вклад в строительство и развитие Вооруженных Сил, сделанный за все годы их службы. Это были военачальники типа П. Кошевого, П. Велика, которые оставили после себя глубокий след на уровне командующего войсками военного округа (группы войск).

Главнокомандующий Военно-воздушными силами, дважды Герой Советского Союза маршал авиации Александр Николаевич Ефимов длительное время был первым заместителем у Главкома ВВС знаменитого П.С. Кутахова, который за свою бытность преобразил авиацию (естественно, с помощью министра обороны Гречко и военно-промышленного комплекса). Но изменились не только самолеты, не только методика подготовки летчиков и внимание к ним – кардинально изменилась инфраструктура для авиации. Все боевые самолеты имели классические укрытия. И это было сделано буквально за несколько лет.

Говоря об этом, хочу подчеркнуть, что уже здесь проявлялась личность А.Н. Ефимова. Являясь первым заместителем главкома ВВС, он фактически не жил в Москве – все время находился в войсках. И во всем, что было сделано в авиации, была большая доля труда и Александра Николаевича. Без преувеличения, наша боевая (особенно фронтовая) авиация была на то время лучшей авиацией в мире. И мы этим гордились.

В июле 1990 года А.Н. Ефимова на посту главкома ВВС сменил генерал-полковник Е. Шапошников, бывший до того первым заместителем Главкома ВВС. Я знал его еще по Прикарпатскому военному округу, где он командовал авиационной дивизией. Это был приветливый, однако нигде, ни в чем себя не проявивший полковник. И это при том, что командиры полков этой дивизии были лично знакомы с министром обороны Гречко. Например, командир 92-го гвардейского истребительного авиационного полка полковник И.С. Буравков. Я не встречал летчика, который был бы лично подготовлен лучше, чем Игорь Сергеевич. Это был летчик высшего класса, и его методика обучения летчиков тоже была высшего класса. Вот почему полк Буравкова был непревзойденным. За ним тянулись и другие полки, да и дивизия в целом была на должном счету. Следовательно, и командир дивизии на высоте.

Иное дело первый заместитель Главкома ВВС, а затем Главком ВВС Е. Шапошников. Мне, например, не были видны какие-либо его личные действия в какой-то области. Взять хотя бы передислокацию авиации в связи с выводом наших войск из Германии. Здесь проблем было много, но я в первую очередь чувствовал действия Главного штаба ВВС и соответствующих начальников служб. Совершенно, к сожалению, не проявил себя Шапошников в содействии Главному командованию Сухопутных войск и в создании армейской авиации.

Очень странно, но вот в период августовских событий 1991 года Е. Шапошников развил бурную деятельность: во-первых, явился инициатором нападок на министра обороны во время проведения заседания коллегии 21 августа 1991 г.; во-вторых, злобно осудил действия ГКЧП, то есть высказался за политику Горбачева по развалу страны; в-третьих, как он позже заявил вместе с Грачевым, ВВС были готовы нанести удар несколькими самолетами по Кремлю, поскольку там находился ГКЧП. Фактически он там не располагался. Но дело не в этом. Сама идея нанести бомбо-штурмовой удар по Кремлю – такая же бредовая, хотя и осуществимая, как и расстрел из танков Верховного Совета РСФСР. Но самое интересное – Шапошников и сейчас работает советником Президента РФ по авиации.

Правильно говорят в народе: «В тихом омуте черти водятся». Вот и в случае с Шапошниковым – всегда любезен и улыбчив, а внутри-то, оказывается, совсем другой – злобный антисоветчик! Почему – объяснить не могу. Советская власть из заморыша вырастила Главнокомандующего Военно-воздушными силами. Правда, с уходом П.С. Кутахова наши ВВС все больше и больше отличались странностями (в воспитательной работе, в режиме полетов, в контроле полетов транспортной авиации, вертолетов и т. д.). Былая слава нашей авиации как-то незаметно становилась миражом.

Главнокомандующий Военно-морскими силами – Герой Советского Союза адмирал флота Владимир Николаевич Чернавин. Воспитанник Северного флота – самого мощного флота в ядерном отношении. Будучи командующим Северным флотом, Владимир Николаевич был назначен начальником Главного штаба ВМФ, сменив на этом посту адмирала флота Николая Дмитриевича Сергеева, который был высокоавторитетным военачальником в Вооруженных Силах. Замена была достойной. Еще через четыре года Чернавин сменил Главнокомандующего ВМФ – дважды Героя Советского Союза, Адмирала Флота Советского Союза Сергея Георгиевича Горшкова, который руководил флотом 30 лет. И опять замена оказалась достойной. Владимир Николаевич Чернавин принял все меры, чтобы сохранить завоеванные традиции, и был достойным Главнокомандующим ВМФ.

Что касается последующего времени, то упомянутые лица себя проявили по-разному.

На основании только перечня и краткой характеристики членов коллегии Министерства обороны можно сделать вывод, что этот орган, конечно, был мощным. Тем более совершенно непонятны пораженческие настроения, парализовавшие коллегию во время августовских событий 1991 года. Откуда они шли? Что произошло? Ведь никому, может за исключением Шапошникова, не была безразлична судьба Отечества.

Могу согласиться, что первыми требованиями к министру на заседании коллегии могли быть: выйти из состава ГКЧП, полностью порвать с этим органом, вывести войска Московского гарнизона из столицы. Допустим, это принято. А что дальше? Стоять на обочине и смотреть, как контрреволюция станет захватывать власть? Ведь всем было ясно, к чему склоняется политический барометр, тем более после ночной с 20 на 21 августа провокации, когда пьяная толпа атаковала БМП (боевые машины пехоты), устроив им засаду на Садовом кольце, и в результате этой провокации погибли три москвича.

Сожалею еще раз, что я был не на заседании коллегии, а по указанию министра обороны – на заседании ГКЧП. Думаю, что такого безликого, ни к чему не обязывающего министра обороны решения – выйти из ГКЧП и вывести войска и только – не было бы! Я бы сказал, что Министерство обороны обязано в сложившихся условиях сделать. Как минимум коллегия Минобороны должна была под надежной охраной отправиться к Ельцину и потребовать от него, чтобы он прекратил пьяный базар перед Домом Советов РСФСР. Уверен, что все требования были бы выполнены. Ведь Ельцин по натуре трус. Это он внешне пыжится. Когда его снимали с первого секретаря Московского городского комитета КПСС, он со страху имитировал самоубийство, тем самым хотел вызвать жалость к себе, не губить его судьбу. Перед шоковой терапией Гайдара тоже из-за трусости наврал народу такого, что до сих пор вспоминают: пообещал даже лечь на рельсы, если цены хоть чуть-чуть поднимутся. Со страху держал в Матросской Тишине членов ГКЧП и их товарищей, которые выступили против политики Горбачева. Когда в октябре 1994 года случился «черный вторник», Ельцин, сделав грозное лицо, заявил по телевидению: «Это диверсия! Мы отыщем всех диверсантов и примем к ним меры». Но когда ему сообщили, кто это все сделал (банкиры, конечно!), он со страху вообще ничего не предпринял. Вызвал только из отпуска Черномырдина и велел ему поправить положение. Черномырдин действительно «поправил» – цены в рублях как подскочили, так и остались на недосягаемой высоте.

Наконец, когда произошел августовский обвал рубля в 1998 году, цена за один доллар подскочила до 20 рублей, Ельцин со страху вообще не появился на экране. Только уволил председателя правительства Кириенко, чему тот был очень рад. А президент от страха ничего не предпринимает. Даже открыто бандитскую приватизацию Чубайса не пресекает. Почему? Боится. Чего боится? Да всего. Он со всеми элитными криминалами повязан и ничего против них не только не делает, но и не говорит. И болезни у него разыгрались не только на почве пьянства, а от переживаний и страха – придет час, и придется ему и соучастникам ответить на конкретные вопросы, которые повлекут за собой конкретные решения.

Трус он. И Дмитрий Тимофеевич Язов знал это и мог бы решиться на такой шаг, как визит к нему всей коллегией. Но не решился.

Вместо разъяснения народу по телевидению целей и задач ГКЧП целый день транслировали балет «Лебединое озеро». Разве это борьба? Такая же ситуация и по радио, на страницах газет – никто толком не разъясняет, что произошло, для чего все это делается и какие ставятся цели? Даже коллегия Министерства обороны СССР толком ничего не знала.

Конечно, сейчас, по истечении многих лет, легко критиковать, давать советы и т. д. Тогда все было сложнее. Но, говоря о коллегии Министерства обороны СССР, в состав которой входил и я, естественно, я должен высказать свое мнение для того, чтобы коллегия Министерства обороны на все будущие времена сделала для себя вывод: никто и ничто не должно столкнуться с позиции защиты своего народа и Отечества независимо от того, где враг – внутри страны

или вне ее. А тогда, в 1991 году, Отечество было в опасности. Внешний враг, используя внутреннюю контрреволюцию, решил уничтожить истинно народный социалистический строй и вернуть страну к капитализму.

Коллегия МО дрогнула в августе 1991 года и еще хуже поступила в октябре 1993 года при расстреле Дома Советов РСФСР. Грачеву надо было не требовать от Ельцина письменного распоряжения на расстрел из танков Дома Советов, а заявить от имени всей коллегии (а коллегии – поддержать), что Вооруженные Силы согласно Конституции обязаны защищать народ и их избранных, а не расстреливать. А заявление Ельцина о том, что в этом Доме засели бандиты, объявить ложью, а его самого – предателем. Это был бы исторический шаг. Но покорный и угодливый Грачев этого не сделал.

Когда же все военные руководители повели себя как трусливые зайцы, думая в первую очередь о своей участи, а не о народе, то и Ельцин с Черномырдиным обнаглели вконец. Военный, тем более крупный руководитель, никогда не должен терять своей личной чести и своего офицерского и гражданского достоинства. И он ни на йоту не должен отступать от своего долга по защите интересов своего народа. Это должно быть для него святыней.

Но вернемся к коллегии Министерства обороны конца 1980-х годов, в которую я вошел, получив пост Главнокомандующего Сухопутными войсками. Было это задолго до событий августа 1991 года. Безусловно, тогда коллегия требовала омоложения. До середины 1990 года возраст ее членов колебался от 65 до 68 лет. Поэтому вполне естественно, что с лета 1990 года почти половина коллегии была заменена на 50—55-летних генералов. И лишь немногим было 58–59 лет. Думаю, что на таких постах при хорошем здоровье в 60 лет можно и должно успешно выполнять по службе все, без ограничений. В Генеральный штаб вместо 67-летнего Сергея Федоровича Ахромеева пришел 50-летний Михаил Алексеевич Моисеев. Были у нас и особо молодые – на должность заместителя министра обороны был назначен 45-летний генерал-полковник В.А. Ачалов. Он исполнял отдельные сложные поручения министра обороны в горячих точках страны и в основном действовал совместно со мной, точнее – с Сухопутными войсками. Будучи в недалеком прошлом командующим Воздушно-десантными войсками, он для решения полученных задач, как правило, привлекал десантников.

Итак, руководство Министерства обороны омолаживалось. Это хорошо. Лишь бы на смену шли достойные. В начале 1991 года у нас с министром обороны состоялся разговор о дальнейшей службе. Я заявил, что готов в любое время освободить свой пост, тем более что считаю проблему с выводом войск предрешенной. То есть по месту, времени и объему строительства для каждого оставляемого соединения решение уже принято, работы и другие мероприятия организованы и обеспечены. Это было главным. Теперь надо было только осуществлять за каждым из них жесткий контроль.

Дмитрий Тимофеевич Язов на мою готовность сдать пост главкома никак не отреагировал. «Вернемся еще к этому вопросу», – было его резюме. Поэтому летом 1991 года, когда начальником Главного управления кадров – заместителем министра обороны стал генерал армии Виктор Федорович Ермаков, я при посещении им Главкомата Сухопутных войск передал ему наш разговор с министром обороны и подтвердил, что готов в этом году уйти в группу генеральных инспекторов. Назвал я и кандидатуры тех, кто мог бы занять пост Главкома Сухопутных войск. В первую очередь – первого заместителя главкома генерала армии А.В. Бетехтина. Хоть ему и исполнилось 60 лет, но его здоровье было крепкое, и он мог успешно выполнять задачи. Если руководству требуется более молодой кандидат, то я предложил рассмотреть на эту должность командующего Забайкальским военным округом генерал-полковника В.М. Семенова. И наконец, уже назначенного заместителем министра обороны генерал-полковника В.А. Ачалова. На этом мы и порешили.

Огромные организационные проблемы и масштабные вопросы, выпавшие на Вооруженные Силы в конце 1980-х – начале 1990-х годов, связанные в первую очередь с выводом наших

войск и вооружений, а также с участием войск в наведении порядка и стабилизации в «горячих точках» (Кавказ, Прибалтика, Средняя Азия, Приднестровье), не позволяли руководству Министерства обороны проводить в полной мере боевую и оперативную подготовку. Точнее, в этот период крупных учений с войсками и маневров типа «Запад-81» вообще не проводилось.

В связи с этим и для того, чтобы в офицерском корпусе не «затухало» оперативное мышление, министр обороны и Генеральный штаб 7 декабря 1990 года проводят научно-практическую конференцию, которая позволила взглянуть на обстановку с позиций современной военно-политической ситуации.

К конференции готовились капитально. Естественно, и ждали от нее многого. Организаторы звонили мне и интересовались, буду ли я выступать. Ответил уклончиво – приму, мол, решение в ходе конференции. На самом деле желания выступать не было, тем более что опереться в своем выступлении на какое-то свежее учение, за исключением летнего учения на базе Одесского военного округа, не на что. Однако на всякий случай несколько тезисов прикинул.

Приехал на конференцию пораньше, чтобы пообщаться с офицерами и ознакомиться со всеми картами и схемами, которыми были увешаны все стены. У меня было «больное» место – всегда хотелось сделать так, чтобы карты (схемы) «говорили». Когда же здесь я в них разобрался, то даже ахнул – Генеральный штаб, подстраиваясь под общую политическую линию наших правителей, «поджав хвост», либеральничает с агрессором, который осмелился нарушить неприкосновенность наших границ и вторгся на территорию Советского Союза.

Представлялось это так. Противник внезапно нападает на наше Отечество и в приграничном сражении наносит поражение нашим войскам, составляющим первый стратегический эшелон. В ходе боев он вклинивается на значительную глубину. Страна в сложных условиях переходит на военное положение, отмобилизовывает главные силы и, проведя крупные контрнаступательные операции, выталкивает противника с нашей территории. В итоге наши войска закрепляются по государственной границе. Стрелы контрударов на картах были соответственно нарисованы только до границы. И всё!

А где же возмездие?

Получалось, что агрессор, развязав войну внезапным ударом, захватил стратегическую инициативу (это обычное для агрессора преимущество), нанес нам ущерб, но под ударами наших войск вынужден лишь покинуть нашу территорию, не расплатившись за все то, что он натворил. А мы, так сказать, с позиций «общечеловеческих» ценностей не наказываем противника, не ведем дело до полного его разгрома, а лишь выдворяем за пределы нашей страны.

Кто-нибудь и когда-нибудь видел такие перекосы в сознании военачальников? Это было ясно выраженное стремление попасть в струю общей предательской политической линии, которая негласно признавала (вопреки интересам нашего народа и национальной безопасности нашего Советского государства) поражение Советского Союза в «холодной войне». А раз так, то, мол, победителю все дозволено, в том числе развязывание агрессивных действий, за которые он никогда не заплатит. И этим духом были пронизаны все документы. Это сквозило и в основном докладе, с которым выступил начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев. Естественно, все содокладчики обязаны были выступить в унисон.

Я не мог допустить, чтобы эта пораженческая либерально-просительная позиция еще пока великой державы получила на конференции одобрение, а затем развитие. Поэтому, собравшись с мыслями, я выступил против этой линии.

У меня сохранились записи, которые я делал в ходе этой конференции, в том числе и весь текст моего выступления, хотя по ходу я делал и различные отступления от него. Поэтому расскажу о ней подробнее.

Конференцию вступительным словом открыл министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д.Т. Язов. С основным докладом на тему «Актуальные проблемы современного этапа строительства Вооруженных Сил в свете требований оборонительной военной доктрины

и реализации концепции оборонной достаточности» выступил начальник Генерального штаба генерал армии М.А. Моисеев. Доклад полностью перекликался со схемами и картами, развешенными по всему залу.

Говоря об уровнях военной опасности и военной угрозе, М.А. Моисеев отметил, что сегодня маловероятен широкомасштабный военный конфликт между Востоком и Западом, тем более что снята угроза мировой ракетно-ядерной войны. Надо сказать, что он был по-своему прав. Точнее, он докладывал почти истину, которая отражала на то время позицию Запада. Но здесь надо было добавить, что Западу нет никакого резона ставить в повестку дня какие-либо конфликты с Востоком (точнее, с Советским Союзом) в условиях, когда Восток разваливается. И не просто разваливается, а страны, бывшие члены Варшавского договора, переходят на другую сторону баррикад. Благодаря «эффективной» разлагающей работе Горбачева – Яковлева эти страны, особенно Польша, стали врагами Советского Союза. Да и в самом СССР шли процессы развала государства.

Спрашивается: зачем планировать какие-то боевые действия, когда враг сам себя уничтожает?! Западу просто надо было немного подождать, и время сделает, что им надо. Поэтому начальник Генштаба был прав, говоря, что большая война сегодня маловероятна. Ему только надо было бы добавить: «Запад и без военных действий добивается своих военно-политических и стратегических целей».

М.А. Моисеев прямо заявил: «В Европе больше нет противников». При этом он сослался на политическое заявление, сделанное в Париже при подписании Договора об обычных вооружениях в Европе, и подчеркнул, что это положение («в Европе больше нет противников») будет оказывать прямое влияние на подготовку наших Вооруженных Сил. Скажу откровенно: слушая Михаила Алексеевича, я не верил тому, что все это говорится в присутствии министра обороны, представителей ЦК КПСС, КГБ и других ведомств. Правда, дальше он поставил вопрос: «Значит ли все это, что для Советского Союза военная опасность полностью устранена?» И ответил: «Нет, военная опасность сохраняется. Мы военный блок Варшавского договора ликвидировали, а блок НАТО продолжает существовать. При этом руководство этого блока принимает все меры по укреплению единства этой организации в политическом и военном отношениях».

Такие вот кульбиты: противника нет, а военная опасность сохраняется! Попробуй разберись!

Правда, позднее генерал армии М.А. Моисеев несколько прояснил обстановку. Он с горечью отметил, что вдоль границ Советского Союза сохраняются мощные группировки вооруженных сил. Анализ соотношения группировок войск и вооружений СССР и НАТО показывает, что НАТО имеет абсолютный перевес в Европе. В результате же Парижского договора Запад приобретает беспрецедентные возможности проведения контроля и проверок наших Вооруженных Сил.

Слушать все это было горько, и я вновь и вновь мысленно спрашиваю себя: кто во всем этом виноват? Ведь мы сами затянули на себе петлю! Слушая Михаила Алексеевича, я еще раз вспомнил встречу и беседу в Москве двух министров обороны, Д.Т. Язова и Шевенмана (Франция). Наш министр в сердцах сказал: «Господин министр, что же это такое – мы сокращаем свои вооружения и Вооруженные Силы, а вы? Вы даже ничего по этому поводу не говорите?!» На что Шевенман, широко улыбаясь, ответил: «То есть как это – не говорим? Мы говорим! Говорим, что вы – молодцы, ребята! Правильно делаете. Продолжайте в этом духе и дальше!»

Показав наши крайне слабые позиции в Европе, М.А. Моисеев продолжал «проливать слезы», говоря о том, что и на Юге и на Востоке военно-стратегическая обстановка остается сложной и нестабильной. А между тем только за последние годы США поставили Турции несколько тысяч бронетанковой и около сотни единиц авиационной ультрасовременной техники.

Вывод начальника Генерального штаба был тревожный: военно-стратегическая обстановка в мире существенно меняется в пользу США и НАТО; против НАТО сейчас стоит только Советский Союз; сегодня мы можем рассчитывать лишь на собственные силы, бывшие же наши союзники по Варшавскому договору вполне могут выступить в будущем на стороне НАТО. Поэтому наши Вооруженные Силы должны готовиться к любой войне, которая может быть развязана против СССР, и вступить в нее в любой обстановке.

Моисеев раскрыл вопросы, касающиеся основных направлений строительства Вооруженных Сил. Касаясь Сухопутных войск, он подчеркнул, что они подвергнутся наибольшему сокращению, а в основу их строительства будет положен принцип выполнения в первую очередь «оборонительных задач по отражению агрессии в пределах национальных границ».

Вообще получилось так, что вроде вначале доклад был «за здоровье», а в конце – «за упокой».

Начальник Генерального штаба остановился на основных формах стратегических действий Вооруженных Сил, характере подготовки армии и флота, подчеркнул, что проводимые в этой области мероприятия «должны соответствовать требованиям оборонительного характера советской военной доктрины». Как достижение, как положительный фактор, отвечающий общей политической линии, он отметил, что за последние годы значительно сократились мероприятия оперативно-стратегического уровня. По сравнению с 1986 годом более чем в три раза (а я бы уточнил: они вообще перестали проводиться, если не считать учений летом 1990 года на базе Одесского военного округа). Оперативная и боевая подготовка ориентирована в первую очередь на оборонительный характер действий. Главные усилия в подготовке войск были сосредоточены на звене батальон – полк.

Начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал армии Владлен Михайлович Михайлов, развивая мысли начальника Генштаба в оценке наших, так сказать, партнеров, сделал вот такое заключение: «...Боевые возможности вооруженных сил США в глобальном масштабе, объединенных сил в масштабе НАТО в Европе и основных иностранных государств на Востоке и на Юге по отношению к Советскому Союзу поднимутся на новый качественный уровень».

Увлекательная ситуация, не правда ли, уважаемый читатель: противника нет, а все основные страны капиталистического мира форсируют оснащение своих вооруженных сил суперсовременным вооружением и боевой техникой и стремятся добиться превосходства над СССР. А Советский Союз сложа руки с умилением смотрит на эту «идиллию».

С содокладами выступили начальник Главного политического управления СА и ВМФ генерал-полковник Н.И. Шляга и заместитель министра обороны по вооружению генерал-полковник В.М. Миронов.

Значительный интерес вызвали выступления главнокомандующих войсками стратегических направлений: генералов армии С.И. Постникова и Н.И. Попова и генерал-полковника А.В. Ковтунова. Интересные вопросы были подняты командующим войсками Одесского военного округа генерал-полковником И.С. Морозовым и командующим Балтийским военным флотом адмиралом В.П. Ивановым.

Начальник Военной академии Генерального штаба генерал-полковник И.Н. Родионов резонно выразил обеспокоенность ростом пацифистских настроений в стране. Ведь дошло до того, что предлагают обсудить вопрос: коль нет противника, то зачем нам Вооруженные Силы? Он также подчеркнул, что предотвращение войны лишь политическими, экономическими и другими средствами без Вооруженных Сил в современных условиях невозможно. Говоря о состоянии военного искусства, И.Н. Родионов правильно заметил, что проявляется негативная тенденция забвения активных форм ведения военных действий. Некоторые даже побаиваются говорить о наступлении. Это очень опасно. В доктрине не должно быть положений, которые бы запрещали ведение каких-либо видов военных действий.

Это было хорошее, одно из немногих, откровение.

Затем выступили главнокомандующие видами Вооруженных Сил генерал армии Ю.П. Максимов, В.И. Варенников, И.М. Третьяк, генерал-полковник авиации Е.И. Шапошников, адмирал флота В.Н. Чернавин. Последним выступил заместитель министра обороны – начальник тыла Вооруженных Сил генерал армии В.М. Архипов. Естественно, каждое из этих выступлений и вызывало интерес у участников конференции. Я же свое выступление посвятил проблемам Сухопутных войск.

Вот только тезисы выступления:

О направлении развития Сухопутных войск в условиях военной реформы

Наше государство в военной области всегда стремилось и стремится сейчас добиться военно-стратегического паритета с вероятным противником любым способом (фактически достигался количественным превосходством в вооружении) сохранить его. Плановое централизованное руководство народным хозяйством обеспечивало мобилизацию необходимого потенциала страны в интересах обороны. Теперь условия изменились.

Используя мощь, в том числе военную, Советский Союз не допустил в течение 45 лет развязывания новой войны. Мало того, во внешней политике практическими мерами, принятыми Президентом СССР и советским правительством, удалось снизить непосредственную угрозу военных столкновений, похоронить «холодную войну», определить новые принципы в нашем военном строительстве.

Принятие советской военной доктрины оборонительной направленности круто изменило взгляды на развитие и совершенствование Вооруженных Сил СССР, в том числе и Сухопутных войск. В основе политической и военно-технической стороны доктрины не просто оборона, а только оборонительные действия.

Сухопутным войскам отводится важнейшая роль в подготовке и проведении во взаимодействии с другими видами Вооруженных Сил оборонительных и контрнаступательных операций на континентальных театрах военных действий.

В основу развития Сухопутных войск положено требование сохранения примерного равенства с вероятным противником в количественном и качественном соотношении сил на главных театрах военных действий.

Развивая Сухопутные войска, решено сложившуюся структуру войск принципиально сохранить, предусмотрев включение в их состав нового рода войск – армейской авиации. При этом имеющиеся рода войск и специальные войска реорганизовать и привести в соответствие с оперативным предназначением военных округов и объединений.

Мотострелковые и танковые соединения иметь одного типа, но с разным вооружением – в зависимости от оперативного предназначения и условий ТВД. К 2000 году перейти на единую структуру «Дивизия-2000». Это позволит существенно повысить их огневые и ударные возможности, маневренность и живучесть. Причем идти не по пути сокращения существующих ударных средств, а повысить удельный вес техники и вооружения, необходимых для обороны.

Ракетные войска и артиллерию, войска ПВО, связи, части разведки и РЭБ, инженерные и химические войска не только развивать на основе совершенствования их фронтовых армейских и корпусных комплектов, но и форсированно перевооружить на новые технические средства.

Концепция такого развития создана и утверждена на Совете обороны страны.

Пути повышения готовности Сухопутных войск к отражению агрессии

1. Для поддержания на основных стратегических направлениях приемлемого соотношения сил нами предлагается иметь в Европе группировку Сухопутных войск в мирное время на уровне равенства количественно-качественного соотношения сил и средств с соответствующими войсками НАТО. Мы должны быть способны гарантированно отразить внезапную агрессию, вести активную стратегическую оборону, после полного стратегического развертывания – перейти в контрнаступление, а затем и разгромить агрессора.

При определении состава группировок наших Сухопутных войск учитывается, что существующая группировка войск ОВС НАТО на европейских ТВД в составе 71 дивизии и 105 отдельных бригад (последние составляют тоже 35 расчетных дивизий) претерпит изменение и наши партнеры по переговорам последуют примеру Советского Союза в вопросах сокращения. А пока необходимо иметь в виду, что практически все дивизии регулярных сухопутных войск НАТО полностью боеготовы. На их непосредственную подготовку к применению требуется незначительное время. В результате мероприятий, проведенных по программе «Армия-90», сухопутные войска США уже модернизированы на 40–50 процентов. Боевые возможности частей регулярной армии по сравнению с 1980 годом возросли более чем в 1,5 раза. К настоящему времени часть этих сил переброшена в район Персидского залива.

2. Для обеспечения действительно гарантированных действий в начальный период войны (и это показала недавно проведенная Генеральным штабом совместная штабная тренировка по управлению Вооруженными Силами) в составе приграничных группировок нам также надо иметь достаточно боеготовых войск, сил и средств для немедленного отражения возможных ударов.

3. В связи с выводом наших групп войск на территорию СССР потребуются создание полосы обеспечения глубиной до 20–40 км. 4. Для обеспечения формирований первых месяцев войны в азиатской части СССР создать сеть крупных баз хранения вооружения и военной техники. Запасы на базах создавать не вообще, а с учетом их предназначения для конкретных соединений, частей и группировок войск.

5. Все типовые комплекты родов войск для фронтов, армий и корпусов первого оперативного эшелона на западе и юго-западе реорганизовать на первом этапе в соответствии с планом реформирования Сухопутных войск, в том числе вывода наших войск из Восточной Европы и Монголии.

6. Учитывая, что количественное выравнивание вооружений СССР и НАТО в Европе при некотором качественном превосходстве вооружения вероятного противника приведет к дисбалансу сил и средств, утрате нами военно-технического паритета, необходимо основные усилия сосредоточить на ликвидации военно-технического превосходства противника (особенно в развитии технических средств разведки, автоматизированных систем управления войсками и оружием, высокоточного оружия).

Говоря о боевой готовности, необходимо отметить, что определенная Генеральным штабом Вооруженных Сил СССР система существенных изменений не требует. Но целесообразно дать необходимые права и возложить ответственность на командующих войсками военных округов в вопросах приведения войск в полную боевую готовность, с учетом внезапно сложившейся обстановки в границах округа, но при условии жесткой централизации мероприятий с ядерным оружием.

7. В связи с сокращением Вооруженных Сил резко возрастает объем мобилизационной работы. Поэтому требуется решительный пересмотр схемы мобилизационного развертывания.

8. Важная задача – повышение морального состояния личного состава Вооруженных Сил. Основными путями ее решения являются: разработка и осуществление государственной про-

граммы военно-патриотического воспитания молодежи, поднятия престижа воинской службы, улучшения работы с кадрами, в основе которой будут справедливость, гласность, компетентность, наконец, решение социальных проблем военнослужащих, особенно с учетом вывода наших войск из Восточной Европы и Монголии.

Несомненно, что на повышение готовности армии к отражению агрессии и обороне страны вообще влияют общая обстановка в государстве, ее стабильность, дисциплина и порядок, без чего немыслимы никакие действия по защите Отечества.

Общие вопросы теории и практики с учетом сложившейся в мире обстановки

Мы вступаем в эпоху глубоких перемен. Решительно изменилось все. Поскольку «холодная война», говорят, закончилась, то вроде и врагов теперь нет. Но угроза развязывания войны не снята, а следовательно, вероятный противник существует.

Мы помним заявление Президента СССР, сделанное в этом году, о том, что «нам нужны надежные, хорошо подготовленные Вооруженные Силы сегодня и на далекую перспективу». Это для нас программа действий.

Оценивая обстановку глобально, можно сделать вывод о том, что решающим средством, поддерживающим паритет и стабильность в мире, являются стратегические ядерные силы. В то же время нельзя исключить, что пожар войны в современных условиях может разгореться в любой момент по разным причинам и в любом районе. Поэтому и наша теория должна все-сторонне оценивать этот сложный мир, а также делать безошибочные прогнозы, а также определять выводы – что мы должны предпринимать.

Разделяя и поддерживая основные положения доклада начальника Генерального штаба генерала армии М.А. Моисеева, хотелось бы поднять некоторые вопросы в развитие этого доклада.

В недалеком прошлом революционный скачок в военном деле был связан главным образом с военно-техническим прогрессом. В перспективе нам, несомненно, надо также ориентироваться на дальнейший технический прогресс. Нельзя исключать, что уже в ближайшем будущем появятся еще более разрушительные средства ведения войны (в том числе неядерные).

В то же время сейчас на первый план выдвигаются причины политического характера. При этом возможность решения оборонных задач ставится в прямую зависимость не только от внешнеполитической ситуации, но и от внутренней стабильности в стране. Фактически именно отсюда сегодня грозит смертельная опасность разрушения нашего государства (это мое пророческое заявление никем не было опровергнуто, а в жизни оно исполнилось). Поэтому теория должна учитывать и эти особенности. Сейчас нельзя просто опираться на традиционный опыт. Сложившаяся обстановка не имеет даже приблизительных примеров из прошлого.

Позитивные процессы в мире должны быть нами учтены. Но мы отвечаем перед народом за оборону государства и пренебрегать опасностью, которую таит в себе общая внешнеполитическая и особенно внутривнутриполитическая обстановка, не имеем права.

Развал Варшавского договора с одной стороны и укрепление НАТО с другой – это факт. На сегодня действительное положение дел с соотношением сил составляет 2: 1 в пользу НАТО. Но если учесть ухудшение стратегического положения страны, ликвидацию нашей инфраструктуры в Восточной Европе (арсеналов, аэродромов, баз и т. п.) и одновременное развитие инфраструктуры за счет нас у НАТО, то наши позиции снижаются еще больше.

Объединенная Германия должна стать мирным государством. Но резкий рост ее потенциальных экономических возможностей и живучесть в стране реваншистских взглядов могут, в конечном счете, в короткие сроки превратить ее в реальную силу, которой ни одно европейское государство не сможет противостоять (кроме Советского Союза – пока).

Мы не должны также сбрасывать со счетов то, что все наши военные планы и расчеты, хотя они и устарели, стали (с вхождением ГДР в состав объединенной Германии) достоянием Запада. Это требует разработки новых подходов, новых теоретических положений и методов выполнения задач.

Военно-стратегическая концепция НАТО в новой обстановке, конечно, будет меняться. Но вряд ли она положительно скорректируется в плане миролюбия. Нам надо наконец понять, что события, которые происходят у нас в стране в начале 1990-х годов, полностью отвечают стратегическим интересам США и НАТО (единственное их опасение: чтобы в период развала государства не могло произойти несанкционированное применение наших стратегических ядерных сил). Они внимательно следят за нашим самодеством, наблюдают и ждут, что мы сами с собой сделаем. А затем без выстрела «помогут» нам завершить все процессы.

Если внимательно присмотреться к направленности стратегических устремлений наших вероятных противников (а они есть), то налицо желание придать значительно большую мобильность своим вооруженным силам, дальнбойность систем огневого поражения. Такой вывод – это отражение реальности, а не подозрительность, как это хотят показать некоторые официальные лица. Наша обязанность – учитывать ситуацию как в теории, так и на практике.

Особенно важно подчеркнуть, что для нас будет правильно даже в новых условиях отыскивать подходы в стратегии и делать расчеты, исходя из возможных наиболее сложных позиций и самого неблагоприятного варианта, который может сложиться для нашего государства и Вооруженных Сил. Иначе теория приведет практику к поражениям.

Решающим элементом научного прогноза является оценка вероятного противника. Конечно, мы не должны афишировать, кто для нас сегодня может быть противником, как это делает, например, министр обороны США Чейни в брошюре «Советская военная мощь» (сентябрь 1990 года). Но то, что НАТО продолжает существовать и никто не думает о роспуске этого военного блока, – это реальность, о чем заявил начальник штаба армии США генерал Вуоно и командующий сухопутными войсками бундсвера генерал Ондарца. Причем НАТО существует не абстрактно, а нацелено против СССР (других противников у этого блока нет). Надо также иметь в виду, что планы НАТО пока не корректируются ни в какой из областей.

Кроме того, мы не должны исключать возможную эволюцию в блоковой системе. Вполне вероятно, например, что Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, укрепившись, могут реорганизоваться в военный блок НАТО. Мало того, это может воздействовать на отдельные наши республики на западе страны (обратите внимание, читатель, это мной говорилось в официальном выступлении в 1990 году).

Не исключена также конфронтация на основе территориальных претензий (Западная Украина, Бессарабия, Калининградская область и другие).

О характере возможной войны. В наших «Основах подготовки и ведения операций Вооруженных Сил СССР» мировая война трактуется как решающее вооруженное столкновение двух мировых систем – социалистической и капиталистической (во главе с СССР и США). Но социалистическая система государств уже не существует. Очевидно, и войны двух социально противоположных коалиций не будет. Ведь страна доведена до этого. Возникает вопрос о возможном появлении новых видов войн, причинами которых будут социально-экономические, национальные, религиозные и другие проблемы. Возникает также вопрос о внутренних гражданских войнах и даже войнах межреспубликанских. Хотя вроде неэтично говорить об этом, но и закрывать глаза на реальность нельзя. Следовательно, теорию по этому вопросу надо создавать.

О сущности нашей стратегии (прошу особо обратить внимание). Оборонительная доктрина отражала в прошлом и отражает сейчас миролюбивую политику нашего государства и полностью отвечает интересам нашего народа. Но оборонительная доктрина не означает, что у нас должна быть сугубо оборонительной и стратегия.

В ходе ведения стратегической обороны мы не должны ограничиваться контрнаступлением в пределах национальных границ, как это представлено здесь на схемах. Мы обязаны, если ставим перед собой цель полностью разгромить агрессора, проводить решительные и глубокие наступательные операции, хотя они и будут иметь новое содержание. Поэтому стрелы наших контрударов, нарисованные только до государственной границы, несомненно, должны быть протянуты на Запад в те районы, откуда начал свой поход агрессор. Мы обязаны его полностью уничтожить.

Поэтому под такие действия надо будет предусматривать и создание необходимого ударного ядра (очевидно, за счет танковых дивизий, фронтовой и армейской авиации, разведывательно-ударных комплексов).

О характере проводимых операций. В современных условиях не только начальный, но и все последующие периоды войны будут иными по сравнению с тем, как они описаны в «Основных подготовки и ведения операций Вооруженных Сил СССР».

На наш взгляд, решающее значение в начале войны приобретут не стратегические, а фронтовые и даже армейские операции. В этот период будет осуществляться стратегия ограниченных действий. Однако в основе всего должно быть уничтожение, захват или хотя бы подавление любых пунктов управления. Но в последующем наша стратегия должна основываться на проведении самых решительных и возрастающих по размаху операций с использованием всех имеющихся сил и высокоточного оружия.

Об определении принципов и нормативов. Очевидно, Вооруженные Силы в новом составе и при изменившейся структуре должны опираться на новые принципы и нормативы. На наш взгляд, невозможно будет создать сплошной фронт имеющимися силами. Нельзя рассчитывать и на глубокоэшелонированную группировку. Наверно, полосы соединения и объединения также изменятся.

Возможно, надо выработать новые принципы развертывания и ведения военных действий по отдельным направлениям с глубоким маневром, опираясь на отдельные укрепленные районы. В то же время эти действия должны обеспечиваться огнем дальнбойного и высокоточного оружия.

О боевой и мобилизационной готовности. Несомненно, здесь нужна новая концепция. Речь идет не только о научной разработке объема и коэффициентов мобилизационного развертывания, но и о пересмотре принципов стратегического развертывания. Если раньше мы могли развернуть армию военного времени за несколько дней (за счет дивизий сокращенного состава), то сейчас на это нужны месяцы, то есть утрачивается главное качество системы от мобилизации – ее оперативность. И это естественно: базы хранения военной техники и базы хранения имущества не могут быть развернуты в те же сроки, что и дивизия сокращенного состава.

В связи с этим возникают вопросы. Сможем ли мы решить задачу отражения вторжения только теми Вооруженными Силами, которые имеем в мирное время? Нет! Даст ли противник возможность, чтобы мы беспрепятственно развертывали базы хранения военной техники в течение почти месяца и базы хранения имущества – два-три месяца? Нет. Он будет простреливать всю страну.

Выход из этого положения может быть один – нужен промежуточный вариант, который бы обеспечил быстрое наращивание сил первого оперативного эшелона в течение пяти – семи суток.

Необходимо разработать теорию формирования стратегических резервов. Рассмотренные фронты, армии и дивизии могут в общих стратегических планах занять только одно определенное место, то есть в основном для решения задач начального периода войны. Но для длительной большой войны потребуются дополнительные крупные стратегические резервы,

которые мы должны уметь создавать (и особенно ультрасовременного оружия и боевой техники).

Обсуждение новых вопросов теории и практики строительства Вооруженных Сил целесообразно развернуть на страницах журнала «Военная мысль».

Вот все, что я сказал в своем выступлении на конференции.

В заключение с указаниями выступил министр обороны, но ответы на некоторые поставленные вопросы кратко дал начальник Генерального штаба. Он, в частности, затронул и проблему, которой я уделил особое внимание, – это ведение операций по разгрому вторгшегося противника на нашу территорию: действовать нашим войскам только до государственной границы (как было в докладе и на схемах) или развивать контрудары в наступление и полностью разгромить агрессора в его логове? Генерал армии М.А. Моисеев поступил благородно – он сказал, что Варенников прав – стрелы надо продлить до районов, откуда начал свои действия агрессор.

Министр обороны Д.Т. Язов уделил значительное внимание политическому аспекту, а потому вынужден был, на мой взгляд, расхваливать совещание, которое проведено в Париже 19–21 ноября 1990 года. Хотя подписанный там договор ставил перед СССР кабальные условия. В то же время министр обороны подчеркнул, что фактически Советский Союз остался один на один против блока НАТО. А вывод наших войск из стран Восточной Европы окажет существенное влияние на стратегическое положение группировок наших Вооруженных Сил и обороны страны в целом.

Д.Т. Язов отметил также, что, несмотря на общую тенденцию снижения напряженности в мире, военная опасность для нашего государства сохраняется и говорить о том, что она устранена, оснований нет. Главную угрозу безопасности СССР будут представлять вооруженные силы США и НАТО. При этом надо исходить из того, что война может быть с применением и без применения ядерного оружия. Но Вооруженные Силы обязаны обеспечить гарантированное отражение агрессии.

Разбирая вопросы развития Вооруженных Сил, министр обороны еще раз подчеркнул сугубо оборонительную направленность проводимой реформы. Однако отметил, что «если на нас нападут, то никакие ограничения действовать не будут, причем в интересах разгрома противника необходимо применять не только оборону, но и все виды боевых действий». Имелось в виду, что будет иметь место не только контрнаступление, но и стратегическое наступление с решительными целями.

Конечно, такие выводы нас устраивали.

Запомнилась концовка выступления Д.Т. Язова: «Вооруженные Силы должны сохранить свой подлинно народный характер, стать современными, цивилизованными и быть авторитетным и действенным фактором предотвращения войны и сохранения мира».

Нет никакого сомнения – и это подтвердила жизнь, – что только мощные Вооруженные Силы Советского Союза могли быть реальным действенным фактором, сдерживающим агрессивные намерения США и НАТО.

Не стало таких Вооруженных Сил – и США совершенно распоясались. Наиболее наглядным подтверждением является агрессия НАТО во главе США, совершенная против Югославии в 1999 году.

Глава 4

Тяжелейшие драмы

Кровавые события в Баку. – Законы «О правовом режиме чрезвычайного положения», «О порядке выхода республик из СССР». – Прибалтика. – Кризис в Персидском заливе, роль и место России в этом конфликте. – Учения на базе ОдВО с участием Черноморского флота, ВВС и ВДВ

Августу 1991 года предшествовали многие события, и важно понять, откуда исходили корни этих событий. Ведь не случайно же весной 1990 года Верховный Совет СССР принял, например, закон «О правовом режиме чрезвычайного положения». Окончательным толчком для принятия этого закона послужили январская трагедия 1990 года в Баку и другие конфликты на территории Азербайджана.

Как явствует из текста закона, введение чрезвычайного положения в той или иной местности преследует цель скорейшей нормализации обстановки, восстановления законности и правопорядка. В то же время Горбачев, хотя он и подписал закон, а также его приспешники не торопились с применением этого правового акта. Даже наоборот, пугали народ тем, что... «чрезвычайщина – это пушки, танки, а следовательно, кровь и слезы». И тем самым создавали благоприятные условия для контрреволюции и уголовщины, экстремизма и сепаратизма.

Так получилось и в Азербайджане. В свое время авторитет преступного мира Панахов был задержан на вокзале и арестован вместе с телохранителем за незаконное ношение огнестрельного оружия. При нем была крупная сумма денег. Суд определил ему меру наказания – пять лет тюремного заключения. Но первый секретарь Азербайджанского обкома КПСС Везиров обратился к Горбачеву с просьбой выпустить Панахова, так как якобы его, Панахова, клан взбунтовался и последствия будут тяжелыми. Горбачев дает команду – и Панахова выпускают. То есть все происходит не по законам правового государства, а как в каменном веке. Но самое интересное происходит дальше. Панахов подбирает группу подобных себе людей, вступает с ними в уже образованный к этому времени Народный фронт Азербайджана и пробивается в руководящий состав фронта. Затем выживает из правления всех неугодных ему людей (фактически это были истинные демократы из числа азербайджанской интеллигенции) и захватывает вместе с Мамедовым власть в Народном фронте. После чего форсированно готовится к захвату власти в республике. При чем делает это цинично, по-звериному. Например, чтобы посеять панику в партийном и государственном аппарате, он обходит всех основных начальников и предупреждает их, что в ближайшие дни они будут уничтожены. С одной из таких потенциальных «жертв» по имени Рафик (ответственный работник бюро обкома) мне довелось побеседовать. Вот что он рассказал:

«Как-то заходит ко мне без стука Панахов со своей охраной и, поприветствовав, бесцеремонно, будто у себя дома, садится к столу и начинает сразу с „дела“:

– Рафик, я тебя знаю уже много лет. Ты хороший человек.

– Спасибо.

– Народный фронт принял решение взять власть в Азербайджане в свои руки. Главным препятствием на этом пути является партийно-государственный аппарат. Поэтому его надо уничтожить. В связи с этим здесь перед правительственными зданиями будут установлены виселицы, и всех основных начальников – а это несколько десятков человек – мы повесим. Ты, Рафик, коммунист и занимаешь высокий пост. Поэтому, как бы я и другие мои товарищи тебя ни уважали, я обязан тебя тоже повесить. Ты не обижайся на меня – этого требует дело, высокие цели Народного фронта.

На этом, – закончил свой рассказ Рафик, – мы с Панаховым расстались».

Надо заметить, что Панахов расхаживал по кабинетам беспрепятственно. Это красноречиво свидетельствовало, что власть в республике уже «качалась». Фактически с приходом хлюпика и демагога Везирова ее не было. На мой взгляд, в это сложное время можно было бы вернуть к руководству Азербайджаном Гейдара Алиева. Назначение же Аяза Муталибова (хотя он и предан был своему народу), и уж тем более избрание президентом ставленника Запада Эльчибея только усугубили обстановку. Однако все это произошло несколько позднее.

А в январе 1990 года ситуация в Азербайджане накалилась до предела, и виновником явился ненародный Народный фронт. Фактически он уже был антинародным, поскольку выражал интересы контрреволюции и уголовных элементов, а та часть народа, которая еще шла за этим фронтом, делала это по инерции и несознательно, чем панаховы и мамедовы умело пользовались.

Пожар начался на националистической почве. Столкновения с армянами в Сумгаите, Нагорном Карабахе, затем в Гяндже и Баку привели к жертвам. Пролитая кровь порождала новое кровопролитие. Так было всегда, так остается и теперь, особенно на Кавказе и в Средней Азии.

Необходимо было погасить огонь, чтобы он не запылал по всей стране. Руководством Советского Союза в этой связи принимается решение (о чем, наверное, как всегда, «не знал» Горбачев) о направлении в Азербайджан нескольких тысяч личного состава из числа Вооруженных Сил. Это решение было вызвано двумя причинами: первая – в республике не хватало сил и средств МВД и КГБ, чтобы навести порядок, и вторая – МВД республики, по решению союзного министра Бакатина, в то время уже подчинялось местным органам. А поскольку последние находились под влиянием Народного фронта, то опираться на них было нельзя.

И тогда было решено развернуть несколько воинских частей на территории республики (в том числе одну дивизию непосредственно в Баку), но наполнить эти соединения и части не местным контингентом (так как это будут в основном азербайджанцы), а из соседних областей. С этой целью провели призыв по Северо-Кавказскому военному округу (Ростовская область, Краснодарский край, Адыгея и т. п.). Это был верный шаг. Тем более что морально-боевой дух этих призывников был исключительно высокий. Не было ни пьяных, ни саботажников, ни нытиков и уклоняющихся от призыва. Мне довелось объехать все призывные пункты, повстречаться с тысячами призывников. Вопросы, как и ответы, были лаконичными:

- Имею ли я право применять оружие?
- Да, имеете такое право в случаях, если вашей жизни, жизни ваших товарищей и охраняемого объекта грозит опасность.
- Будет ли проявлена забота о моей семье, если вдруг со мной что-нибудь случится?
- Несомненно. Семья будет обеспечена, как утратившая кормильца.
- Когда нам придется выполнять свои задачи?
- Буквально в эти дни.

Перед ответами на вопросы я кратко рассказывал о братоубийственных столкновениях в Баку и других городах Азербайджана, объяснял, что наша миссия состоит в том, чтобы пресечь эту беду и стабилизировать обстановку. В этом решении не сомневался никто. Наверное, кроме Ивана Кузьмича Полозкова – первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС. Тот, попав под влияние взбунтовавшихся жен воинов, призванных из запаса, направил руководству страны протест, в котором было выражено требование – вернуть всех от мобилизованных домой (вместо того, чтобы разъяснить населению края ситуацию и необходимость проведения мероприятий в Баку). Я занимался Азербайджаном, но при этом намеревался при встрече с Полозковым объяснить (ведь он был, конечно, не прав и действовал на руку тем, кто раскачивал Советский Союз), как вдруг узнаю, что И.К. Полозков избран первым секретарем только что созданной Компартии Российской Федерации. Меня это, конечно, удивило.

И все же в Азербайджане мы успели подать пополнение в те части, которые предполагалось развернуть, в том числе в мотострелковую дивизию, которая одной своей половиной располагалась в центре города – в Сальянских казармах, а второй – в военном городке на окраине Баку.

Начинать восстанавливать порядок мне пришлось с Гянджи (бывший Кировабад). Это второй город в республике по величине и общей значимости. Здесь тоже уже, как и в Баку, произошли беспорядки, в результате которых весь район, ранее заселенный армянами, полностью опустел. По городу ходили гражданские вооруженные люди. Аэродром полностью блокирован несколькими рядами заграждений, на всех подходящих к нему дорогах сооружены баррикады. Пришлось почти трое суток проводить встречи и переговоры на разных уровнях, чтобы убедить руководство города снять все баррикады и ограничения, а контроль на дорогах проводить совместно с военнослужащими. В решении этой проблемы немалую помощь оказал первый секретарь горкома Мамедов (не путайте с Мамедовым, который входил в правление Народного фронта).

Когда в Гяндже был наведен порядок, я позвонил министру обороны Д.Т. Язову (он был уже в Баку) и доложил обстановку. Министр приказал оставить в Гяндже кого следует, а самому отправляться в Баку, где события приобретали трагический характер.

Прилетев в столицу Азербайджана, я почувствовал, что попал в прифронтовой город: опустевшие улицы, во многих местах баррикады, бронетранспортеры, военные патрули, слышны одиночные выстрелы. Помню, когда был здесь ровно десять лет назад – проводили стратегические учения «Юг-80», это был цветущий, поющий, очень людный и приветливый город. А сейчас вид у него был взъерошенный, поблекший. Даже две недели назад, когда я прилетал сюда специально для изучения обстановки, даже тогда все выглядело более благополучно. Несколько дней, проведенных на заседаниях, в том числе у Везирова, ничего не дали, и я улетел, сделав вывод для себя, что только с вводом чрезвычайного положения можно предотвратить развал республики.

Министр обороны Д.Т. Язов прилетел в Баку вместе с министром внутренних дел В.А. Бакатиным. Кстати, мы, военные, все удивлялись: как можно назначать на МВД человека, который, кроме строек и партийной работы (точнее, партийной жизни), ничего не знал? Да и необходимых профессиональных данных для руководства МВД у него не было. Опять-таки назначение прошло по тем меркам, которые устраивали Горбачева. И действительно, за короткое время Бакатин развалил МВД. Он ввел децентрализованное управление, что породило хаос и настоящий «базар» в той структуре, где должна быть безукоризненная четкость, ясность и строгое, как в Вооруженных Силах, выполнение приказов. А дальше Бакатин из МВД попадает в КГБ. И чем все это заканчивается? Тоже развалом. Более того, этот глава КГБ, призванный блюсти безопасность страны, самолично передает американцам все схемы подслушивающей аппаратуры, которая была установлена нашими специалистами при проведении ремонта здания посольства США. Ну, каков «субчик»? И это в условиях, когда США открыто занимались развалом Советского Союза!

Конечно, тогда в Баку мы этого не могли не только предвидеть, но даже предположить.

Из разговора с Дмитрием Тимофеевичем Язовым, а также с офицерами, которые с ним приехали, я уяснил, что самая тяжелая обстановка сложилась вокруг Сальянских казарм: военный городок был полностью блокирован, дорога от Баку на центральный аэродром вокруг аэропорта, который находился за городом, – все было также блокировано. А между тем туда должна была прилететь воздушно-десантная дивизия. Народофронтовики и примкнувшие к ним экстремистски настроенные граждане решили изолировать военных, не дать им возможности вмешаться в акцию расправы с руководством и с аппаратом партии и правительства республики. Этого допустить было нельзя. Надо было, чтобы мотострелковая дивизия вырвалась из Сальянских казарм и, сметая все на своем пути, вышла бы к аэродрому, расчистила магистраль от

Баку до аэродрома и создала благоприятные условия для ввода в город десантников. А уж они обязаны были взять под охрану все правительственные здания, почту, телеграф, банк, порт, важнейшие предприятия и учреждения и в условиях объявленного чрезвычайного положения (которые оппозицией не выполнялись) навести в городе строгий режим и обеспечить населению безопасную жизнь.

В связи с этим я принял решение ехать в Сальянские казармы и осуществить этот замысел. Д.Т. Язов со мной согласился. Собрав небольшую группу офицеров, я отправился на трех уазиках к Сальянским казармам, предварительно сообщив по телефону командиру дивизии полковнику Антонову о том, что я направляюсь к нему. Не доезжая нескольких сот метров до центрального контрольно-пропускного пункта (у военного городка было пять КПП, и все они были блокированы), я встретился с огромной, в несколько тысяч человек, массой людей, которая была до предела наэлектризована и что-то громко выкрикивала. К КПП можно было пробраться только сквозь толпу. А мы – замечу – все были в военной форме. Мы вышли из машин и отправились пешком, а водителям с одним офицером дали команду отправиться в штаб стратегического направления, где базировался министр обороны и все московские начальники (главнокомандующим Южного стратегического направления в то время был генерал армии Н.И. Попов, сменивший на этом посту М.М. Зайцева, тоже генерала армии).

К моему удивлению, пробраться через эту очень плотную массу народа не составило труда. По команде офицеров люди хоть и с трудом, но расступились, образовав нормальный коридор для прохода. И ни одного бранного слова в наш адрес, и ни одной попытки физического оскорбления – с нашим подходом все затихало и расступались.

Приблизившись к КПП, я заметил непосредственно у ворот несколько крупных самосвалов, груженных камнями с песком, тем самым они препятствовали въезду и выезду с территории военного городка. У пешеходного входа была свободной небольшая площадка. Я остановился, осматривая возбужденные, хмурые лица собравшихся. Ко мне подошли трое и представились, что они от руководства Народного фронта Азербайджана. Я в свою очередь тоже назвал себя. Один из троих сказал, что он хорошо меня знает по Афганистану. Когда мы начали беседовать, народ поутих. Я сказал, что сейчас сделаю обращение и к руководству Народного фронта, и ко всем присутствующим. Поднявшись на ступеньку КПП, я громко, чтобы меня слышало как можно больше людей, стал объяснять им суть и подоплеку всего, что здесь случилось.

– События, которые последнее время происходят в Азербайджане, – сказал я, – совершенно не отражают интересов народа республики, а тем более интересов трудящихся. Так называемый Народный фронт, нарушая Конституцию, фактически преследуют свои цели и вводит народ в заблуждение. Любые выступления, высказывания и тем более действия не должны идти вразрез с существующими законами. Если кому-то не нравятся республиканские власти, то следует поставить вопрос об их переизбрании. Но насилия над ними никто не допустит. Сейчас вы блокируете военный городок. Это противозаконные действия. Ведь там, в казармах, такие же люди, как и вы. Они ничего против вас не замышляют, они выполняют свой долг и имеют право на нормальную жизнь, общение с народом и своими родственниками. Среди них не только русские, украинцы и белорусы, но и много азербайджанцев. Вы уже сутки блокируете военный городок, а ведь среди солдат, сержантов и офицеров есть больные, их надо направить в госпиталь. Военный городок нуждается в продовольствии и различном имуществе. Поэтому я обращаюсь ко всем присутствующим – надо закончить всю эту демонстрацию силы, снять блокаду и приступить к нормальной жизни. Если этого не произойдет, то мы будем вынуждены принять меры в соответствии с законом, но ответственность за все последствия будет нести руководство Народного фронта и вы, как исполнители.

Один из тех троих, что встретили нас, пробормотал было, что они выполняют решение Народного фронта. Но я еще раз сказал, что они обязаны разойтись и до наступления темноты убрать все самосвалы, которые закрыли выезд машин из военного городка.

С этими словами я удалился в воинскую часть, где меня уже ожидал командир дивизии полковник Антонов. У него был растерянный вид. Постоянно пугливо оглядываясь, он на ходу рассказывал об обстановке, при этом кивал на окружающие военный городок жилые дома. На балконах и на крышах 5-, 9- и 11-этажных домов, которые окружали «низкорослый» военный городок (в нем были в основном одно-двухэтажные здания), открыто расхаживали гражданские люди с автоматами, видны были также установленные пулеметы и прожекторы на балконах. Эти приготовления свидетельствовали о сгущающейся тревоге. В связи с этим мы провели тщательную организацию защиты городка от возможных обстрелов. По всему его периметру на позиции были направлены военнослужащие с задачей: открывать огонь только при явной угрозе и по огневой точке, которая вела огонь первой. Ни в коем случае не стрелять по безоружным людям.

С наступлением темноты все прожекторы, установленные на балконах, были включены, и военный городок стал похож на поле стадиона, ярко освещенное в ночное время: всё было как на ладони. Мы включили громкоговорящую связь и пытались образумить экстремистов – не допустить роковой ошибки, не допустить кровопролития. Однако среди ночи с одиннадцатого этажа института «Азгипрозем» раздалась пулеметная очередь – у нас погибло сразу три солдата. И тут началось! До самого рассвета продолжался непрерывный (именно непрерывный) взаимный обстрел. Я еще подумал: «Как в Сталинграде». В три часа ночи я отправился в медпункт проверить, какая там обстановка. Пройти было непросто – все пространство простреливалось. Но добрались без происшествий. Оказалось, что медпункт был уже забит нашими ранеными и пострадавшими оппозиционерами. Наши воины, рискуя жизнью, выполняли за границы военного городка и затаскивали к себе раненых «оппозиционеров», так сказать, «противника», а потом уносили их в медпункт. Это было очень благородно. Поговорив с врачами, мы решили, что они срочно оборудуют под лазарет соседнее помещение, а пока установят дополнительные койки вдоль коридора, благо он был довольно широким.

Вернувшись на свой «командный пункт», а это был кабинет командира дивизии, я узнал, что не могут разыскать полковника Антонова. Вначале я не на шутку забеспокоился. Когда же мне сказали, что его кто-то видел в одной из казарм, тревога рассеялась, но я все же организовал прямой контакт с начальником штаба дивизии и приказал ему управлять частями нашего гарнизона, поскольку у него была прямая связь со всеми «группировками» и с каждым КПП. Мы располагались на втором этаже двухэтажного здания штаба дивизии. На первом этаже и на чердаке находились боевые подразделения, а личный состав штаба дивизии располагался в прекрасном подвале этого здания. Все было под боком. Однако беспокойство не покидало. Дело в том, что в здании штаба дивизии, как и в клубе этого военного городка, было полно беженцев. Здесь нашли укрытие люди из ближайших жилых домов, в основном старики, женщины и дети – русские и армяне. То, что сюда прибежали армяне, было понятно: 13 января в Баку прошли погромы и резня армян, их выбрасывали из окон и с балконов верхних этажей. Но почему прибежали русские, было непонятно, их никто не обижал (или я просто об этом не знал). В разговорах все говорили одно и то же: «Нам страшно».

Положение осложнилось, когда в военный городок перестала поступать вода. Естественно, прекратила функционировать и канализация. Возникла критическая ситуация.

Стало ясно: надо деблокировать городок. Мы хорошо подготовились к этой операции, и в одну из ночей внезапным ударом, проделав танковыми тягачами пролом в бетонном заборе, выпустили вначале маневренную группу с танками, а затем и главные силы дивизии. Танки в те дни использовались как тягачи для растаскивания баррикад на улицах города. Теперь же они устремились на аэродром, расчищая магистраль для вхождения в город десантников, «прозя-

бавших» на аэродроме. Подразделения дивизии имели задачу – отогнать от городка экстремистов и очистить от завалов и машин въезды в военный городок. Это было выполнено блестяще. Такую оценку я даю потому, что не было ни одной жертвы. Экстремисты сопротивления не оказывали – одни разбежались, другие, побросав (спрятав) оружие, затесались среди зевак, наблюдая за действиями солдат, разбиравших завалы.

В наведении порядка нам поспособствовало введение 19 января 1990 года чрезвычайного положения в Баку – согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР. На основании этого указа приказом коменданта особого района г. Баку генерал-лейтенантом В.С. Дубиняком в городе были введены особая структура управления (создано одиннадцать комендантских участков) и соответствующий режим, который определил ряд ограничений в жизни и деятельности населения. Запрещались собрания, митинги, шествия, демонстрации, забастовки; СМИ контролировались; запрещалось ношение оружия; с 23.00 до 6.00 закрывалось движение и т. д. Войскам и правоохрательным органам представлялось право контроля по многим вопросам.

Приказ коменданта на многих подействовал отрезвляюще. Но были и силы, которые продолжали раскачивать обстановку. По согласованию с руководством страны комендант города дал разрешение о проведении шествия в связи с похоронами погибших.

Хоронили более ста человек. Погибло же в столкновениях и чисто случайно от шальной пули около тридцати. Откуда же остальные? Руководители Народного фронта, желая накалить обстановку до предела, собрали в моргах города всех умерших в те дни и выдали их за погибших. Гнусно, но факт.

У Сальянских казарм, где произошло основное столкновение, погибло девять человек из числа тех, кто блокировал военный городок. Когда прекратилась стрельба, экстремисты собрали убитых и выложили их перед центральным КПП в один ряд – вот, мол, полюбуйте на свою «работу». Но у нас тоже погибло девять ребят и тридцать семь было ранено. Я приказал объявить об этом по громкоговорящей связи и потребовать всех убитых убрать и увезти в морг города. Вскоре это было выполнено.

Надо признать, что Народному фронту по причине слабой власти в Москве и в Баку удалось-таки спровоцировать беспорядки и, используя события в Нагорном Карабахе, подтолкнуть народ к выступлению на националистической почве. В результате погибли люди. А из организаторов никто не пострадал. Наиболее активные из них, например Панахов, выступили на митинге, который был организован на кладбище, и, естественно, во всем случившемся обвиняли власти. А потом многие из них и безнаказанно исчезли. Панахов убыл в Иран. Спрашивается, а почему же бездействовала наша служба государственной безопасности? Что стоит за этим – ее либерализм и дремучая беспечность или предательство? Или, может быть, нечто третье – действие в одной упражке? Почему Панахову позволили исчезнуть? И кто ответит за невинно погибших?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.